

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

МАРИНА ЕФИМИНЮК

ИДЕАЛЬНОЕ
СОВПАДЕНИЕ

Волшебная академия (АСТ)

Марина Ефиминюк

Идеальное совпадение

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ефиминюк М. В.

Идеальное совпадение / М. В. Ефиминюк — «Издательство АСТ», 2022 — (Волшебная академия (АСТ))

ISBN 978-5-17-145836-2

Я приехала на учебу в Норсент, надеясь найти свое при-звание. Но пока нашла одни неприятности! У них даже имя есть: Гаррет Ваэрд. У этого парня самомнение до небес, ко-лечко в брови и такая древняя родословная, что он в ней, по-жалуй, путается. А у меня – словарь по северному диалекту, комнатная роза и большое желание свернуть Гаррету шею. Да и разве могло хорошо закончиться знакомство, начавшееся с магической дуэли? Совершенно точно нет!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-145836-2

© Ефиминюк М. В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марина Ефиминюк

Идеальное совпадение

Серийное оформление – Василий Половцев

Иллюстрация на обложке – Ирина Косулина

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Волшебная академия»

© М. Ефиминюк, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Пролог

Я никогда не отличалась ни меткостью, ни ловкостью, но от злости глаз не подвел, и рука не дрогнула! Сухая ветошь, которой следовало стереть с доски отвратительное, грязное ругательство, влетела в физиономию Гаррета Ваэрда, любимчика академии Элмвуд и мерзавца, смертельно унизившего мою подругу.

Белое облако окутало высокую широкоплечую фигуру в идеально скроенном и столь же идеально сидящем костюме. Мел клубился в воздухе, медленно опускался на преподавательскую кафедру, присыпал пол погруженной в мертвую тишину лекционной аудитории.

Пару бесконечных мгновений Гаррет стоял, как дур... прикрытый тряпицей, а потом она плюхнулась на дорогие начищенные туфли.

Господи, это было бы даже забавно, не будь так страшно! Зрители боялись вздохнуть. Моя подруга Юна, оцепеневшая в первом ряду, собралась потерять сознание. Я раздумывала, стоило ли вспоминать прошлое и начинать молиться родным шай-эрсским святым или следовало еще подождать.

Гаррет медленно вытер рукавом пиджака лицо. Отряхнул ладонью дорогую материю, оставив безобразные белые полосы, отбросил мыском клочок ткани и тихо, как-то по-особенному значительно спросил:

– Шай-Эр, ты швырнула в меня тряпку?

По-моему, ответ был очевиден. Не ботинок же, право слово.

Вообще-то, ветошь всего лишь летела в одном направлении с его затылком... просто чуть быстрее, чем двигался, так сказать, объект. Кто же знал, что в это время, когда столкновение почти случилось, Гаррет решит поприветствовать тряпку лично и повернется к ней гладко выбритым ликом? Считаю, что произошло обычное недоразумение!

Однако все умные мысли я придержала, понимая, что следует извиняться, а не нарываться.

– Я не думала, что доброшу. Извини.

– Извини? – тихо повторил он на северном диалекте, дурацком, сложном языке, который я вообще-то планировала подтянуть, когда решила участвовать в программе обмена студентами с королевством Норсент. – Я обязан переспросить, чтобы быть до конца уверенным. Адель Роуз, ты точно бросаешь мне вызов?

– Вызов... – повторила я, судорожно пытаюсь припомнить перевод слова, и покосилась на подругу, требуя подсказки.

Полуобморочная Юна испуганно замотала головой.

– Хорошо, – мягко произнес Гаррет. – Я согласен.

Я быстро нащупала под блузкой амулет-переводчик, призвала магию, заставив артефакт пробудиться, и переспросила:

– Ты согласен?

Вообще-то, вопрос подразумевал ответ, на что именно он согласен, но между нами встал языковой барьер, разница в менталитетах и – буду откровенной – мое плохое знание диалекта. Я получила, что получила.

– Конечно. – Он улыбнулся, но глаза блеснули холодно. – Если девушка хочет магическую дуэль, как я могу ей отказать?

Глава 1

Конец любовной истории

Северяне точно не умели держать язык за зубами!

На тайную вечеринку в старый дом возле моря набилась толпа народа. Получился такой маленький секрет для очень большой компании. Просто огромной! Даже Мейз случайно выяснил, какую дверь следовало открывать, чтобы перенестись из академии на побережье. Правда, ему знание досталось случайно. Никто всерьез не думал, что шай-эрец не останется уныло праздновать начало учебного года в общежитии с земляками, а припрется в самый разгар веселья и притащит двух подружек.

На нас троих посматривали с откровенным любопытством и некоторым недоумением. Но знаете, на чужой праздник мы явились не ради бесплатного черничного вина местного разлива, а с важной миссией (что, конечно, не отменяет вино). Все несогласные и недовольные могли отправляться на пляж и палить костры, чтобы согреться. Последняя ночь августа на побережье северного моря погодой совершенно не радовала – холод стоял, как осенью.

– Уверена, что твой парень здесь? – вечно недовольный Мейз начал нападать на беззащитную Юну. – Может, зря притащились в такую даль?

– В эту даль ты тащился через портал пять секунд, – цыкнула я. – Просто перешагнул порог сарая.

После перехода традиционно мутило только меня, а ворчал он. Юна мудро помалкивала.

– Мы в четырех часах езды от академии, – высокомерно напомнил Мейз. – Денег на троих взяли полтора шейра. Если портал в обратную сторону не сработает, что будем делать?

– Бродяжничать – фыркнула я.

В академию Элмвуд, как бы смешно ни звучало, Юна приехала не из желания обучиться основам стихийной магии, а исключительно из-за парня, которого случайно нашла по объявлению в студенческом альманахе. Они никогда в жизни не виделись, но целый год переписывались. Неделю, что мы обживались на новом месте, привыкали к влажному климату северного полуострова и разбирались в тонкостях обращения к преподавателям, она дожидалась возвращения своего Гаррета Ваэрда с каникул и переживала, обрадуется ли он сюрпризу в лице возникшей в академии «подружки на расстоянии».

И сегодня струсила к нему подойти.

Во время исторической встречи я обсуждала с куратором дополнительные занятия по северному диалекту и поддержать страдающую пуще прежнего соседку по комнате сумела, лишь предложив бутылку черемуховой настойки. Дома этот напиток считался традиционным угощением к поминальному столу, и Юна иронии не оценила. Зато за ужином мертвой хваткой драконовой химеры вцепилась в бедного Мейза, стоило тому неосторожно упомянуть о приглашении на вечеринку по случаю начала учебного года.

– Я слышала, что Гаррет непременно будет на вечеринке, – заявила она, решительно сведя у переносицы светлые брови, и твердо добавила: – Это наш шанс! Мой и его.

Необходимость выступать в роли феи-крестной Мейза бесила, но я искренне верила в счастливые концы романтических историй. Полвечера уговаривала пойти к северянам!

По первому этажу дома растекалась густая, протяжная музыка, смесь магнетических барабанов и незнакомого «плачущего» инструмента. Рыдал он в разных тональностях и в соче-

тании с чистым женским голосом, поющим на диалекте, каждым заунывно-шаманским всхлипом пускал у меня по спине волны мурашек.

Продвигаясь по комнатам, мы попали на танцевальный паркет. Вернее, в нормальные дни импровизированная бальная зала являлась столовой, но сейчас в ней устроили пляски под гипнотическую мелодию. В центре комнаты играли музыканты и пела девушка. Вряд ли ребята были профессиональными артистами, скорее всего, студентами Элмвуда, приглашенными на вечеринку ради музыкального сопровождения.

– Они танцуют под барабаны? – громким шепотом переспросила Юна, словно не до конца верила собственным глазам.

– А ты полагала, они будут чинно пить чай? – фыркнул Мейз. Странно, как не закатил глаза.

Он являл собой воплощенное самомнение и с презрением смотрел на всех, кроме меня. Не потому, что считал умнее – ни в коем случае! – по мнению Мейза, в мире Крушвейской скальной гряды еще не родился человек умнее его, но мы дружили с раннего детства, а к немногочисленным друзьям он испытывал снисхождение.

– Мейз, давай ты найдешь нам что-нибудь выпить, а мы с Юной пока найдем Гаррета, – ради всеобщего спокойствия решила я разделить усилия.

– Что ты хочешь?

На вражеской территории я ничего не хотела, но «ничего» нам двадцать минут спокойствия не дадут, стоило придумать что-нибудь невыполнимое.

– Воду.

В доме, превращенном в просторную питейную с дорогим интерьером и бесплатным алкоголем на любой вкус, запах и крепость, обычную воду можно было отыскать разве что во вживленном в каменную стену аквариуме с морскими химерами. Они степенно плавали, перетекая из формы маленьких фиолетовых черепах в пятнистых хищных рыбок, и не заслуживали оказаться обворованными. Я очень надеялась, что Мейз не станет отнимать, так сказать, среду обитания у забавных созданий.

– Я принесу вино, – решил он за всех. – Здесь у них в ходу черничное.

– И со льдом.

– В вино лед не добавляют, – надменно заметил он.

– Зато добавляют в воду, – мило улыбнулась я.

Мейз отправился искать воду или черничное вино, смотря что быстрее попадется на пути: раковина с краном или графин с алкоголем, а мы с новой соседкой по комнате – высматривать в толпе автора почти трех десятков трогательных любовных писем.

Поиск привел нас в дальнюю часть дома, куда музыка, вызывающая неконтролируемое желание по-варварски танцевать, долетала лишь полупшепотом и оттеняла разговоры, а не мешала им. Большая гостиная утопала в нескромном полумраке. Единственным источником света, не считая пары едва мерцающих ночников, было голубое магическое пламя, язычками облизывающее края квадратного низкого столика. Огонь отражался в полированной поверхности и рисовал на потолке inferнальные пляшущие тени.

В массивных креслах и на широких диванах с низкими спинками, типичных для полуострова, но непривычных для глаза шай-эрца, впритирку сидел народ. В воздухе дурманно и тяжело пахло магией грозы. От огня ли, от напитков ли, но никого ее переизбыток не смущал.

Привлекая внимание, Юна схватила меня за руку ледяными пальцами.

– Вон он!

Возле решетчатого окна с каменным подоконником стояли типичные парни-северяне. Мускулистые, плечистые, умеющие заполнить собой свободное пространство. Было сложно представить, что кто-то из них способен в течение года отправлять незнакомой девушке письма, полные меланхолии и депрессии. Вряд ли им вообще знакомо слово «депрессия».

С другой стороны, люди умели удивлять. Просто мужчины, как правило, неприятно.

– Какой из них твой здоровяк? – тихо спросила я.

– Тот, что в белой рубашке, – восторженно прошептала она, прижимая к груди маленькую блестящую сумочку-кошелек. – Мой Гаррет! Даже не верится, что он такой...

«Такой» был черноволосым красавчиком с атлетической фигурой, выбритыми висками и белозубой улыбкой. И он прекрасно осознавал, насколько хорош. Если бы Юна не зачитывала вслух кое-какие отрывки из переписки, я поставила бы деньги на то, что единственная эмоция, знакомая этому парню, – самодовольство.

– Как он тебе? – горячо прошептала она, жадно разглядывая северянина.

– Юна, ты уверена, что это *тот самый* Гаррет Ваэрд? – вырвалось у меня. – Может, они однофамильцы?

– Нет! Другого нет! Ваэрд – это древняя фамилия, старый магический род. Понимаешь? – Она упрямо поджала губы.

Если бы мне сначала показали кусок шоколадного торта, а потом вручили кислый леденец, я тоже упрямо поджала бы губы и все равно отобрала торт. И леденец забрала. В назидание. Нельзя поманить девушку дорогим десертом, а потом заставлять довольствоваться простенькой конфеткой. От таких вывертов у нас портится характер.

– Что же у них даже аристократы похожи на варваров? – покачала я головой.

– Он потрясающий!

– Да, – кивнула я, – выглядит отлично.

– Пожелай мне удачи, Адель.

– Удачи! – с готовностью согласилась я.

Юна перемахнула через Крушвейскую скалистую гряду, чтобы встретиться лицом к лицу с возлюбленным по переписке, а на месте вдохновенного юноши обнаружила горячего аристократа... Удача ей явно не помешает.

Она почти сделала шаг по направлению к окну, даже подалась вперед всем телом, но выпрямилась и снова вцепилась в мою руку ледяными пальцами.

– Можешь пойти со мной?

Знаете, что... в детских сказках миссия феи-крестной всегда заканчивалась, когда влюбленные оставались в одном помещении. Ни разу не встречала, чтобы эта святая женщина не только доставляла красавицу к принцу на дурацкую вечеринку, куда не завалилась бы даже в помутнении рассудка, но еще их знакомила, расхваливала, как заправская сваха, и вообще утрясала любовные дела.

– Третий лишний, – ненавязчиво освобождаясь из крепкого захвата, отвертелась я.

– Но там еще много парней! – проговорила Юна, начиная впадать в панику.

– Гони взащей, они тоже лишние.

– Давай ты их выгонишь? – Она посмотрела на меня с надеждой.

– Я плохо говорю на диалекте, – выдала я буквально магическую фразу, всю первую неделю в Норсенте позволявшую перекладывать мелкие бытовые проблемы на плечи Мейза. Он свободно владел диалектом.

– Зато понимаешь отлично!

– Как мне это поможет? – изобразив недоумение, изогнула я брови.

Перед отъездом из Шай-Эра родители подарили мне переводчик, настолько дорогой, что пришлось в артефакторной мастерской брать рассрочку. Говорила я по-прежнему посредственно – знаний амулет не прибавлял, но позволял понимать собеседника, не напрягая ни слух, ни мозг.

– Не понимаю, почему я боюсь к нему подойти, – пробормотала Юна. – Вижу – и коленки начинают дрожать. Руки леденеют!

– Потому что он противоположность Мейза.

– Вообще-то, твой лучший друг очень симпатичный, – совершенно несвоевременно заметила Юна.

– Серьезно? – Я искренне удивилась, что кто-то мог считать высокомерную оглоблю милее собственно оглобли. – В таком случае с Гарретом у тебя точно все будет хорошо.

А если будет плохо, то вернемся в общежитие и выпьем черемуховую настойку. Зря, что ли, я прятала бутылку от куратора на самом дне дорожного сундука?

Озвучивать это я не стала, только предложила:

– Найди нас с Мейзом, когда захочешь уйти. Мы подождем.

– Не беспокойтесь. Гаррет меня обязательно проводит до академии, – с уверенностью заявила Юна. – Он очень внимательный к таким вещам.

– Он именно такой, но все-таки возьми... – Я быстро вытащила из маленькой сумочки на поясе все наши полтора шейра мелкими монетками и сунула в руку подружке. – На дорогу до Элмвуда этих денег должно хватить. На тот случай, если что-то пойдет не так, и твой Гаррет передумает быть внимательным, а портал не работает.

– Разве такое возможно?

– Чтобы портал не сработал? Запросто. Кто знает, как они его нашаманили...

– Да нет, я про Гаррета, – перебила Юна и попыталась отказаться от денег. – Он очень хороший. Правда!

– Иногда даже хорошие люди поступают плохо, – сумничала я в духе моего любимого отца, временами страшного зануды, и все-таки сунула ей монеты. – Иди! Он тебя ждет.

На самом деле, Гаррет Ваэрд расслабленно попивал что-то из широкого бокала и точно не ждал подружку по переписке, свалившуюся на голову так же неожиданно, как снег – в последнюю ночь лета. Хотя, возможно, на полуострове в начале сентября шли снегопады, пока не в курсе.

Прячась в глубокой тени у облицованной необработанным камнем стены, я следила, как Юна пересекла просторную комнату, скромно встала позади Гаррета, осторожно пальчиком постучала ему по плечу, заставив обернуться. По всем правилам романтики северянин должен быть догадаться, что это не какая-то приبلудная шай-эрка из группы по обмену студентами тычет в его крепенькое плечо, а та самая, его единственная.

Я решила, что подружка неплохо справляется без помощи феи-крестной, и отправилась искать Мейза, но в дверях оглянулась. Расстояние и полумрак сглаживали лица, скрывали мимику, но Гаррет, похоже, ни с первой секунды, ни с последующих пяти не догадался, что «счастье из писем» пожаловало к нему лично. И планировало остаться до конца весны, пока его, это счастье, принудительно не вернут обратно на родину.

Мейз как сквозь землю провалился. Складывалось впечатление, будто он не просто искал черничное вино, а лично спустился за ним в хозяйский погреб, вскрыл бочонок и теперь где-то стоял на разливе, как заправский виночерпий.

Решив, что лучше подождать его на том месте, где мы разошлись в разные стороны – все равно без меня с вечеринки приятель не уйдет, я встала у стены напротив столовой. Сквозь широкую арку был виден танцующий народ. Наружу выплескивалась дикая, пьянящая музыка. Поймав себя на том, что приплясываю, я тихонечко огляделась вокруг – не заметил ли кто-нибудь моих хореографических потуг.

Рядом стоял блондин. Сунув руки в карманы, он прислонился спиной к стене и приветливо мне улыбнулся. Точно заметил странные притопы!

– Ты ведь из Шай-Эра? – спросил он.

– Угу, – промычала я в ответ. К слову, коса у парня была сложнее той, что мне заплетал мастер причесок на весенний бал.

На полуострове отсутствие силы считалось трагедией, особенно у аристократов, и умение призывать магию всячески подчеркивали. Стихийный дар всегда окрашивал волосы разноцветными прядями: темными, светлыми, иногда цветными, поэтому северяне традиционно

носили длинные прически. Наверное, здесь хвосты и косы состригали только в наказание, а не ради красоты или удобства.

– Я видел тебя в академии, – пояснил парень на диалекте. – Ты студентка по обмену. Я Андэш.

Он протянул руку. На всякий случай я сцепила свои на груди и, коверкая слова хуже, чем на самом деле их произносила, объявила:

– А я очень плохо говорю на диалекте.

– Репетитор не нужен? – Андэш красиво улыбнулся, сверкнув милой ямочкой на левой щеке. Он вообще был симпатичным и не похожим на потомка одежного шкафа, как многие его земляки. Особенно мне нравилась его прическа.

– Нет, но кое-что мне действительно интересно, – с самым нахальным видом ответила я на родном языке. – Ты сам заплетал такую дивную косицу? Научишь? Наглядеться не могу.

– Сейчас показывать не к месту, но потом с удовольствием дам пару уроков, – на шай-эрском ответил он на издевательский вопрос.

Последовала странная пауза. Андэш явно желал посмотреть на мою реакцию, но порадовать парня было нечем – я не испытывала ни капли смущения. Все знают, что девушки рождаются добрыми и милыми, а потом сталкиваются с реальным миром и отращивают колючки.

– Любишь ставить людей в неловкое положение? – хмыкнула я.

– Извини, не хотел тебя смутить.

Его глаза смеялись. В тусклом свете рассмотреть их цвет не удавалось.

– Если не хотел что-то делать, зачем сделал?

Неожиданно в глубине коридора по направлению к холлу, ни на кого не глядя, прошмыгнула Юна.

– Мне надо идти. – Моментально забыв о парне, я бросилась следом за соседкой по комнате и громко позвала: – Юна, постой!

Восклицание утонуло в царящем шуме. Пришлось прибавить шаг, но нагнать даже в холле беглянку не удалось. Она толкнула входную дверь, ударив кого-то на улице ручкой, и выскочила наружу. Я бросилась следом, вылетела за порог и поежилась от неприятного тяжелого холода. От гула, царящего в доме, звенело в ушах.

– Юна, подожди!

Она порывисто оглянулась и, теребя сумочку, дождалась, пока я приближусь.

– У тебя все хорошо?

– Да. – Юна нервно улынулась и, стараясь не встречаться со мной глазами, пояснила: – Я решила вернуться в общежитие.

– Ты говорила, что Гаррет тебя проводит.

– Да, но...

У Юны задрожала нижняя губа, голубые глаза заблестели, а секундой позже она бросилась ко мне и зарыдала, уткнувшись в плечо. На нас с любопытством посматривал народ.

– Ты плачешь от счастья или что? – неловко похлопывая соседку по спине, тихо спросила я.

– Он не признался! – провыла она. – Сказал, что никогда не отправлял никаких писем, но с ним впервые знакомятся с такой фантазией, и он – так и быть! – готов со мной развлечься! Представляешь? Так и быть!

Лично меня оскорбило бы предложение развлечься, но я придержала мысли и искренне посочувствовала:

– Мне очень жаль, Юна.

– Я, как последняя дура, притащилась в Норсент из-за парня, который предложил мне по-быстрому развлечься и сделать вид, что мы незнакомы! Я же ненавижу холод, этот их диалект тоже ненавижу. Стихийную магию вообще не перевариваю! Приехала только из-за него!

Ужас! Чувствую себя оскорбленной, обманутой и еще... замерзла! Возле этого их проклятого северного моря адски холодно!

Цветастое платье у Юны действительно было не по погоде легким. Зато подчеркивало стройную фигуру и тонкую талию.

Пока обида не переросла в ярость и не набрала разрушительную силу, я предложила:

– Вернемся домой.

– В Но-Ирэ? – наивно спросила она, словно через дверь между академией и побережьем можно вернуться в столицу Шай-Эра.

– В общежитие Элмвуда, – пояснила я. – Подождешь пять минут? Отыщу Мейза и вместе перейдем через портал.

Ужасно расстроенная соседка по комнате обняла себя руками, стараясь сохранить остатки тепла, и что-то буркнула под нос. Буду считать, что согласие.

– Только не бей здесь окна!

– Зачем мне бить окна в чужом доме? – сморщилась она.

– Именно! – Я сжала ее плечи и постаралась быть убедительной: – Если вдруг накатит, то вспомни, что совершенно незачем!

Выискивая Мейза среди шумной толпы, я прошла проверила несколько комнат на первом этаже, заглянула в танцевальный зал, обнаружила местную питейную в колоритной кухне с большим очагом и облицованными необработанным камнем стенами. На разливе стоял другой парень.

– Господи, Мейз, ты топиться в море, что ли, пошел?

На всякий случай я решила проверить внутренний двор и высунулась из двери, окинув быстрым взглядом незнакомую компанию. В большой жаровне полыхало магическое пламя, в плетенных креслах сидел народ. Один из парней что-то зачитывал по бумажке, и слушатели покатывались от смеха.

Я выхватила знакомую фразу... Невольно вспомнилось, как Юна с придыханием зачитывала отрывки из писем, и все встало на свои места. Похоже, она прихватила на вечеринку парочку колоритных посланий, возможно, чтобы доказать Ваэрд правоту, но ничего не доказала. И сейчас какой-то насмешник мерзким голосом переводил для благодарной публики переписку с шай-эрского на диалект, издевательски комментируя особенно сочные моменты.

Меня буквально подбросило вперед, словно кто-то невидимый, толкнув в спину между лопаток, придал ускорение. Я подскочила к чтецу в садовом кресле и резко вырвала исписанную страничку. В его руке остался отодранный клочок.

Парень с удивлением вскинулся и глумливо осклабился:

– Что всполошилась, Шай-Эр? Ты их писала?

– Тебе их писали? – передразнила я.

– Верни.

– Отбери!

Развернувшись на пятках, я направилась в дом и совершенно не ожидала, что парень действительно пустится вдогонку. Преследовал он нетвердой походкой, но с восхитительным упрямством пьяного человека. Просто неземное упорство в достижении цели! Даже зависть брала.

Я дернула на себя дверь в кухню и словно влетела в невидимую стену. В импровизированной питейной стоял Гаррет Ваэрд. В лучших традициях самодовольных придурков он заставил мою подругу рыдать, а теперь веселился и так нахально улыбался, что захотелось ему подправить идеальный прикус.

– Эй, Шай-Эр, верни письмо! – практически нагнал меня преследователь.

– Непременно.

Плохо соображая, что делаю, а главное, что *сделаю*, если мне действительно ответят, я направилась напрямик к Ваэрд и остановилась в жалком шаге. Вблизи он показался – без преувеличений – ошеломительным: с проколотой бровью, с чернильно-синими прядями в волосах, а еще прилично выше меня. Вернее, совершенно неприлично, почти на целую голову! Только усилием воли я не позволила себе встать на цыпочки. Где это видано: предъявлять претензии и изничтожать презрением, вытянувшись в струнку? Вдруг не устою, завалюсь, как корабельная мачта, и воткнусь носом в его грудь.

Пока я хлопала глазами и пыталась вернуть неожиданно увядший боевой настрой, преимущество от внезапного наскока было напрочь потеряно. Ваэрд вопросительно изогнул эту свою проколотую бровь и спросил на диалекте:

– Ты кто?

Голос у него оказался спокойный и глубокий, никаких резких нот – так говорят люди, привыкшие, что им не надо орать, как потерпевшим, чтобы оказаться услышанными.

– Ты хорошо строчишь на шай-эрском, значит, и речь понимаешь неплохо, а то ваш диалект уже на зубах вязнет, – быстро проговорила я. – Мне наплевать, что ты сделал вид, будто не отправлял моей подруге дурацких писем. Это ваши дела. Но зачем ты сам ее унизил, а потом позволил глумиться своим приятелям? Я не знала, что в Норсенте принято трусость прикрывать жестокостью.

В кухне наступила гробовая тишина, способная не посрамить королевский склеп. Стоило выплюнуть все слова, что родились в голове, как это странное безмолвие не просто опустилось мне на плечи, а нахлынуло со всех сторон, словно стремясь раздавить. Подозреваю, на нас не тарасились разве что сковородки, висящие над очагом.

– Трусость? – повторил Ваэрд на шай-эрском с мягким акцентом.

– Тебе нужен перевод слова? Обычно я так не поступаю и сразу посылаю... в словарь, но ради ясности, могу повторить на диалекте.

– Обычно я так не поступаю, но ради ясности повторю тебе на шай-эрском, – с ухмылкой, спрятанной в уголках губ, проговорил он. – Я впервые слышал о твоей подруге, тем более не писал никаких писем. Ты хорошо меня поняла?

– Да, благодарю, неплохо. Но они подписаны твоим именем. Давай сличим почерк?

Не отводя глаз, с милой улыбкой я запихнула ему в карман жилетки измятое письмо, лист порвался еще сильнее и нелепо повис из узкой карманной прорези.

У меня все, дамы и господа!

Я даже успела сделать – с ума сойти! – целый шаг, когда Гаррет схватил меня за локоть и резко развернул к себе лицом. Хотелось думать, что я была грациозна, как прима королевского театра, но предаваться самообману глупо: я почти потеряла равновесие и пришлось упереться в крепкую широкую грудь придурка кулаками.

– И куда ты? – спросил он.

– Найти самописное перо, чтобы почерк сравнить, – на ходу придумала я. – С собой нет, решила у твоих шутников поспрашивать.

Он смотрел на меня почти с восхищением.

– Как тебя зовут, птичка? – со смешком спросил он.

– Поймешь, если прочирикаю? – огрызнулась я.

– Адель! – грозный зов Мейза разнесся по кухне.

В умении появиться в неудачный момент никто не сравнится с моим лучшим другом! В этом искусстве он достиг уровня бога. Вот и сейчас это недоделанное божество стояло в дверном проеме, держа в каждой руке по бокалу черничного вина, и взирало на северянина с открытой неприязнью.

– Он к тебе пристает?

– Нет. Я просто о него споткнулась, – отозвалась я и красноречиво покосилась на большую мужскую руку, сжимающую мой локоть. У придурка совершенно несправедливо оказались красивые длинные пальцы. На крепком запястье поблескивал узкий серебряный браслет-кольцо.

Северянин действительно отпустил меня. Вряд ли его испугал худосочный Мейз, в котором абсолютно все выдавало бесповоротного ботаника. Видимо, не захотел, чтобы маленький скандал превратился в большой, просто гигантский.

И у меня даже был шанс красиво уйти, но Ваэрд возьми и брось в спину:

– Не хочешь забрать *свое* письмо, Адель?

Я обернулась через плечо. Истрепанный рукописный листик по-прежнему нелепо торчал из кармана, готовясь свалиться под ноги.

– Зачем мне *твое* письмо, Гаррет? – колко ответила я и вмазалась в острый угол мраморной столешницы. Как только из глаз не посыпались искры от боли!

– Не ушиблась? – фальшиво посочувствовал Ваэрд.

– Нет! – рявкнула в ответ, усилием воли подавив желание растереть отбитое место, как в детстве учил папа: «Ударилась, Эдди? Потри! Три сильнее!»

Мейз посторонился в дверях, пропуская меня в коридор. Едва мы покинули поле боя, как в кухне гроыхнули разговоры. Недолго думая, через ткань блузки я сжала пальцами амулет-переводчик, висящий под одеждой на длинной цепочке, и заставила его уснуть. Разговоры вокруг превратились в белый шум, из которого изредка выхватывались знакомые фразы, но даже их не хотелось понимать.

– Заметила, как я подчеркнуто не задаю ни одного вопроса? – намекнул приятель, что ждет интереснейшего рассказа, как мне за короткое время удалось поссориться с северянами.

– У нас тут, между прочим, случился плохой конец любовной истории! – не справившись с накачивающим раздражением, огрызнулась я. – Где ты был, пока у Юны рушилась личная жизнь?

– В смысле, где? За вином ходил.

С высокомерным видом он качнул бокалами: дескать, не заметила добычу?

– В Шай-Эр ты за ним, что ли, гонял? Оставь бокалы, а то решат, что мы их хотим умыкнуть.

Глава 2

Языковой и прочие барьеры

Стены женского общежития атаковал нахальный плющ. Побегам-щупальцами неистребимое растение цеплялось за шершавые кирпичи и тянулось вверх, к каменным вытарашенным горгульям, нахохленным на выступах. Одна такая фигура, словно покрытый слоем столетней пыли страж, торчала возле нашего окна на четвертом этаже.

В тесной комнате стояла только необходимая мебель, одежда висела в нише, прикрытой матерчатой ширмой. Учебных мест не подразумевалось, и нам предстояло целый год заниматься в библиотеке. Зато у окна был замечательный широкий подоконник. На таком здорово сидеть с книжкой, смотреть на двор академии, следить за соседними окнами в мужском общежитии...

Но на подоконнике поселился Гаррет! Комнатная роза, которую Юна притащила на себе из Шай-Эра. С мечтательным видом пристраивая на присмотренное мною местечко этот – с позволения сказать – благоухающий цветник, она рассказала, что усыпленный магией черенок прислал ее замечательный друг по переписке на день рождения. Разве можно оставить дорогой сердцу кустик беспризорником или – какая жестокость! – сдать на передержку в городскую оранжерею? Когда мы впервые увиделись в порталной гавани Но-Ирэ, будущая соседка по комнате стояла в обнимку с цветочным горшком и волновалась, переживет ли кустик порталный переход.

Надо сказать, что Гаррет оказался бессмертным. В отличие от меня. После перемещения из Шай-Эра я три дня ползала зеленая, а он – ничего, всего-то денек побыл поникшим, но поймал солнышко в окошке с горгульей и встопорщил розовые бутоны. Он и сейчас чувствовал себя прекрасно, здоровым видом доказывая несостоятельность теории, что непременно завянет, когда затухнет любовь между друзьями по переписке. Любовь не случилась, но куст, вскормленный водой с магическими добавками, издыхать не планировал и ни одним листиком не поглядывал в иной мир.

В комнате царил бардак, напоминающий о сборах на вечеринку. После глобального любовного провала даже мне было неловко вспоминать, с каким энтузиазмом Юна примеряла платье и подбирала к нему заколку. От тяжелого молчания, висящего в комнате, как гроздовая туча, становилось не по себе.

Быстро переодевшись за ширмой, я схватила корзинку с банными принадлежностями и полотенце и на ходу проговорила:

– Пойду освежусь.

Не обернувшись, соседка кивнула и с мрачным видом продолжала возвращать разбросанную по кровати одежду на деревянные плечики.

Казалось, она собиралась тихо страдать, лежа в кромешной темноте и отвернувшись к стене, но Юна тоже умела удивлять. Когда я вернулась в комнату, она стояла у распахнутого настежь окна и прицеливалась, чтобы сбросить с четвертого этажа горшок с многострадальной розой.

– Ты же не выкинешь Гаррета?! – воскликнула я и, избавившись от корзинки с флаконами, бросилась спасать несчастный, ни в чем не повинный куст.

– Именно это я и собираюсь сделать! – решительно объявила она и посмотрела вниз, словно примеряясь, как высоко горшку лететь до земли.

– Вдруг кого-нибудь зашибешь?

Было очевидно, что никто, если он не каменная горгулья и не железный рыцарь, не выживет, если поймает башкой цветочный горшок.

– Вынесу в мусорный короб в коридоре. – Юна передумала превращаться в маньяка-убийцу случайных прохожих и, прижав тяжелую розу к животу, направилась к двери.

Я расставила руки, не давая ей пройти:

– Позволь Гаррету жить! Погибнуть в чужом королевстве не пожелаешь и врагу!

– Ты же ненавидела этот куст.

– Вот и нет! Он смешно светится в темноте...

Соседка опрыскивала розы какой-то подкормкой для непрерывного цветения, и мелкие розовые бутоны светились в темноте кроваво-красным цветом. Сначала я испугалась, а потом решила, что цветок вполне сойдет за ночник.

– Он не виноват, что такой же цветущий и колючий, как этот Ваэрд! – заявила я. – Давай переименуем куст, пусть будет Эдвардом! Бедняге Эдди тебе не за что мстить!

Судя по недоуменно сведенным бровям и вопрошающему взгляду, довод, мягко говоря, был слабенький.

– Или... так звали твоего бывшего? – осторожно уточнила я.

– Нет никакого бывшего, – сморщилась Юна. – Роза напоминает о моей вселенской глупости!

– Что за пафос? В нашем возрасте нормально ошибаться и верить разным придуркам. Просто оставь Эдварда мне. Он все равно долго не протянет. – Я ловко отобрала тяжелый горшок и потащила обратно к подоконнику. – Поверь, я уж постараюсь за ним присмотреть. У меня все растения почему-то от заботы подыхают...

– Письма я тоже выбросила! – перебила меня страдальца.

– Все? – охнула я, со звоном опустив куст на прежнее место, и выглянула в открытое окно, пытаясь отыскать доказательства такого несвоевременного расточительства.

Газон был далек и чист. Ни одной странички в пределах видимости. Юна из них птичек, что ли, складывала, а те, почуяв скорую осень, отправились в теплые края?

– И сожгла! – добавила она.

То есть до газона долетел только пепел.

– На кой демон?!

– Изгоняю дух этого мерзавца из своей жизни! Они дивно горели и кружились в воздухе. Как птицы несчастья!

– Вообще ни одного письма не осталось? Все-все спалила?

– Чтобы начать все заново, нужно избавляться от якорей! – Юна упрямо вздернула подбородок и кровожадно покосилась на безропотный куст, невольно вызывая во мне желание прикрыть невинную жертву спиной. – Я ходила в женский клуб, они там много правильных вещей говорили.

– Они, конечно, очень умные в женском клубе, но как мы теперь почерк будем сличать? – скрестила я руки на груди.

– В смысле? – насторожилась Юна, несколько поумерив желание что-нибудь разрушить или уничтожить.

– Я потребовала у Ваэрда доказать, что он ничего не писал.

– Как доказать? – медленно повторила подруга, словно пытаясь осознать размер чудовищной катастрофы.

– По всей видимости, уже никак, – развела я руками.

Утро первого учебного дня выдалось солнечным, но холодным. Замерзнув под тонким одеялом, я проснулась раньше сигнала пробуждающего шара и на цыпочках по ледяному полу бросилась закрывать окно. Оказалось, что внизу кипела жизнь, по дорожкам, выложенным мелкой брусчаткой, уже шастали студенты. В жизни не поверила бы, что вчера почти вся академия кутила на вечеринках, отмечая последний день лета.

– Северяне, вы когда-нибудь спите? – недовольно пробормотала и потянулась к створкам.

В окне напротив какой-то парень натягивал рубашку. Он заметил, что на него таращится взлохмаченная девица и замер. Не придумав ничего получше, я приветственно помахала рукой, мол, не стесняйтесь, мастрес, продолжайте облачать крепкие тела в форменные одежды. Закрывает створки и немедленно вывела на листике срочных дел, приколотом к ширме: «Купить шторы». Процесс наблюдения за соседями забавен, но обоюден: когда-то подглядываешь ты, в другой раз – за тобой. Последнее меня категорически не устраивало.

В этот момент в сонной тишине звонко закукарекал пробуждающий шар, специально спрятанный под кроватью, чтобы его – голосистого мерзавца – было проще достать. Проще не вышло, а только сложнее: я неловко сбила стеклянную сферу с подставки. Кукарекая, как не в себе, словно стремилась перебудить обе стороны Крушвейской гряды, она откатилась к стене.

– Ненавижу... – прошипела я, припадая к ледяному полу и вытягивая руку. Хорошо хоть ничего не запихнула под кровать, как это сделала Юна.

Наконец шар был пойман. Свихнувшийся петух заткнулся, и я осторожно проверила соседку, ожидая напоротья на недовольный взгляд. Если бы меня попытались разбудить ранним утром после ночи, проведенной в тихих всхлипываниях, то возмущение было бы сдобрено крепким словом, но она сладко сопела, уткнувшись в подушку с домашней наволочкой.

Помимо комнатной розы, из Шай-Эра Юна притащила постельное белье, лоскутное одеяло, любимую кружку, стопку каких-то любовных романов и висящую над кроватью цветную гравюру магической академии Ос-Арэт, в которой училась. В этом частном учебном заведении давали первоклассное магическое образование, лучшее в королевстве, и получить у них стипендию было большой удачей. Мне не повезло.

Стараясь не беспокоить спящую, я тихонечко улизнула в купальню. А когда вернулась, соседка все еще безмятежно дрыхла, высунув одну ногу в пижамных штанах поверх одеяла.

– Юна, – я потрепала ее по плечу, – пора вставать на завтрак.

– Аппетита нет, – пробормотала она, не открывая глаза. – Я приду сразу на лекцию.

В качестве приветственного подарка Элмвуд выдал нам учебники и академическую форму: пиджак, платье и скромную юбку несуразной длины. Я посчитала, что прекрасно переживу, не путаясь в подоле, и натянула привычные узкие брюки с идеально-острыми стрелками, надела блузку с манишкой и взяла разложенный на однотонном покрывале форменный пиджак. Он был мне немного великоват, но наплевать – мантия Академии общей магии в Но-Ирэ вообще напоминала бесформенный балахон с прорезями. И ничего! Три года относилась, как миленькая. Ни разу не пожаловалась.

На бесплатное обучение в принципе грешно жаловаться, мне даже студенческое жалование из городской казны выплачивали. После выпуска, правда, придется пять лет отработать на королевской службе, зато окажусь пристроенная и опыта наберусь. Стану превосходным специалистом! Понять бы, чего именно... Собственно, из-за непонимания я приехала на северный полуостров, в академию Элмвуд.

Перед четвертым курсом общие маги выбирали специализацию. Куратор каждый день терзал меня, требуя заполнить бумаги! Сокурсники определились еще зимой, Мейз в своей

обычной презрительной манере объявил, что в младшей школе выбрал артефакторику, и решение не менял. Никто не страдал проблемой самоопределения, и только я понятия не имела, что хотела изучать.

Легко мечтать о высшей магии в частной академии, если позволяют талант или деньги, а студенту из обычной семьи приходится быть прагматиком и выбирать что-нибудь попроще. Бытовые или защитные чары, артефакторика, опять-таки, зверомагия и прочие нужные специальности, без которых наша жизнь загнется. Но я ненавижу химер, теоретическую механику и особенно – определять будущее росчерком пера. Наверное, бог услышал слезные молитвы и отсрочил мучительный выбор, подсунув объявление о программе обмена студентами с Норсентом.

– Отличная идея! Дерзай! – в тот день за ужином поддержал меня папа, преподаватель алхимии в старшей школе. – Вдруг тебе понравится заниматься стихией. Весьма перспективное направление магии.

– Неместное только, – буркнула мама, как будто в пустоту, но на самом деле обращаясь к нам обоим.

– Северный диалект, опять-таки, подтянешь. – Папа сделал вид, что не заметил ворчания любимой супруги. – Да, дорогая?

– От стихийной магии седеют волосы, – загробным голосом предрекла дражайшая маман, ставя передо мной тарелку с ужином.

За пять минут, что мы обсуждали вероятное участие в программе, она мысленно собрала большой дорожный сундук, не забыв уложить десять пар шерстяных чулок, и с глубокой душевной скорбью отправила единственную кровиночку к ледяным демонам на кулички, где ее непременно сожрут драконовы химеры. Или похитят волосатые северные варвары, шарахнув по голове дубиной, и заставят прислуживать в хибаре, покрытой шкурами диких виверн.

Если же страшно повезет и на мою «божественную», типично шай-эрскую красоту не купится ни дракон, ни варвар, то случится еще какая-нибудь гадость. Какая именно, мама, похоже, придумать не успела, но, судя по напряженно сведенным бровям, уже активно фантазировала.

– Они не седеют, а окрашиваются прядями, – поправила я.

– Не обязательно уезжать из Шай-Эра, чтобы испортить цвет волос, – заметила она. – Давай просто сходим к мастеру причесок. Испортим здесь!

В тот вечер я еще не догадывалась, что в первый день осени действительно буду стоять в общежитской комнате на другой стороне Крушвейской скальной гряды и надевать широкова- той пиджак с эмблемой норсентской академии магии...

«Хрюк!» – восторженно храпнула соседка, возвращая меня из пафосных мыслей в реальность, где она, наревевшись ночью, дрыхла с открытым ртом и грозилась пропустить первый учебный день.

Я настроила пробуждающий шар, чтобы он закукарекал через полчаса, специально поставила его подальше и тихо вышла из комнаты.

За последние пару дней Элмвуд из сонной, безлюдной дыры превратился в бурлящий муравейник, спрятанный за замковой стеной и выросший вокруг коренастого мрачного дворца с четырьмя квадратными башнями. На высоком постаменте скалила клыкастую пасть каменная драконовая химера с раскрытыми крыльями. Судя по тому, что изваяние агрессивно щерилось в сторону въездных ворот, определенные проблемы с гостеприимством имелись не только у некоторых студентов – не показываем пальцем в аристократического лгуна Ваэрда, но и у Элмвуда в целом.

На второй день после приезда, когда я еще ползала зеленая, прихлебывала из бутылки укрепляющий отвар и мысленно составляла завещание, нас согнали на экскурсию. Я тихо нена-

видела здоровяка в очках, заставившего меня, несчастную и болезную, больше часа таскаться по замковым корпусам, и слушала его вполуха, но кое-что забавное он рассказал.

Оказывается, во время экзаменационной декады студенты трут левую лапу каменной химере и просят удачи на экзамене!

Главное, не перепутать с правой – ее гладили исключительно на любовь. Хвост полировали перед соревнованиями по турнирной магии, а нос, до которого сложно добраться, протирали для денег. В общем, если хочется неожиданного богатства, придется рисковать шеей и реальной угрозой получить выговор.

Первый, кого я увидела в шумной столовой, был Мейз. Не заметить лучшего друга было невозможно даже при большом желании: за квадратным добротным столом на четырех человек он сидел в гордом одиночестве и с умным видом читал какую-то книгу. В принципе, с таким вот лицом, словно постигал тайны Вселенной, приятель мог изучать и теорию магических взрывов в подпространстве, и роман, где главный герой с мечом наперевес рубил монструозных химер.

Я не сдержала улыбки. Парни из Шай-Эра не желали подсаживаться ни к моему лучшему другу, ни – не дай божественный слепец! – к северянам. Они кое-как теснились за двумя сдвинутыми столами, видимо, полагая, что демонстрируют нестигаемый дух свободолобивого народа, живущего по другую сторону Крушвейской скальной гряды.

– Удачного дня, – громко поздоровалась я с этими мучениками, заработала пару хмурых взглядов, пару таких же хмурых приветствий и с комфортом уселась напротив Мейза. – Что читаешь?

Все-таки, как ни крути, от этого воплощения самомнения сплошная польза. Не помню, чтобы мы когда-нибудь в столовой толкались локтями.

Он продемонстрировал обложку учебника по высшей магии и подчеркнул:

– На первородном языке.

– По утрам на первородном языке я могу только ругаться, – сыронизировала я. – Зато цветисто.

Передо мной сам собой появился поднос с едой. Оглядев предложенные блюда, пару плошек переставила Мейзу. За неделю привыкнуть к кухне северного полуострова, на мой вкус, пресной и тяжелой, оказалось принципиально невозможно, но лучший друг оценил. Глядя на эту оглоблю, увенчанную шапкой рыжих кудрей, никогда не догадаешься, какой чудовищный аппетит он в себе прятал. Подсунь железные гвозди – наверняка переварит.

– Где твоя соседка? – спросил Мейз, прихлебнув жижу, отдаленно напоминающую кофе.

Хорошо, что я привезла с собой мешочек кофейных зерен, потому как на северном полуострове любимый всеми шай-эрцами напиток просто сказочно паршивый.

– Спит. А что?

Я попробовала овсянку, но каша традиционно оказалась едва сладкой. Местные повара только делали вид, будто добавляют в еду мед или пряности. Никакого вкуса.

– Хотел поздравить. – Он наткнулся на мой вопросительный взгляд: – Она главная тема сегодняшнего дня. Ты ничего еще не слышала?

– Амулет пока не пробудила. Пытаюсь окунуться в языковую среду, – хмыкнула я и тут с удивлением обнаружила, что возле нашего стола утвердился какой-то северянин, расставив длинные ноги на ширину плеч, словно боялся оказаться снесенным волной особого шай-эрского презрения.

Я с недоумением подняла голову. Сверху вниз с широкой улыбкой на меня смотрел парень с вечеринки, умеющий заплетать отличные косы. Волосы у него, к слову, были скручены в непонятную дулю, а сам он стоял одетый в спортивную форму чернильного цвета, почти черную, с эмблемой Элмвуда на груди.

– Доброе утро, – с улыбкой поздоровался он.

– И ты здесь, – отозвалась я, неожиданно для себя вспомнив его имя: Андэш. – Если что, я сейчас не могу на урок плетения кос, у меня лекция по общей магии. Или ты просто подошел поздороваться?

– И узнать, как тебе северная кухня, – согласился он.

– Такая же непривычная, как северный диалект.

– Она хотела сказать – сложно перевариваемая, – прокомментировал Мейз на этом самом диалекте.

– Спасибо, господин переводчик, что не дали мне побыть деликатной, – фыркнула я, вызвав у Андэша веселый смешок. – Присядешь с нами?

– Эй, Гор! Тебе место оставлять?

Северянин оглянулся, а за ним – все, кто был рядом. В смысле, все, кроме Мейза. Даже люди за соседними столами повернули головы, а его величество – ничего, продолжил делать вид, что с интересом пялится в учебник.

Из другого конца обеденного зала на нас с непроницаемым видом смотрел Гаррет Ваэрд. Его приятели рассаживались за большим столом.

– Удачи в первый учебный день, Адель Роуз, – попрощался Андэш.

– Приятного аппетита, – заметила я и, наблюдая, как он пересекает столовую, направляясь к компании, протянула: – Не помню, чтобы вчера представлялась. Откуда он узнал, как меня зовут?

– Я ему сегодня сказал, когда мы брились над соседними раковинами, – огорошил меня Мейз.

– Зачем? – поперхнулась я.

– Не ходить же с двухдневной щетиной. – Приятель окатил меня презрительным взглядом.

– Зачем ты ему сказал, как меня зовут?

– Он спросил.

– То есть тебя даже попытать не пришлось. Напомни, Мейз, чтобы я никогда не ходила с тобой в разведку.

– Извини, я не знал, что это секретная информация. Еще он спросил, какие у нас отношения.

– И что ты ответил? – искренне любопытствовала я.

– Почти семейные, и он решил, что мы обручены. – Приятель вздрогнул. – Как представлю, так волосы дыбом встают. Тебя не пугает эта мысль?

К слову, кудри у него обычно торчали в разные стороны. По всей видимости, умник частенько представлял, как наши родители, дружившие с юности, неожиданно решат породниться и попытаются превратить нас из друзей в супругов. Я всегда говорила, что богатая фантазия до хорошего не доводит.

– Я стараюсь не думать об ужасах, чтобы не портить прическу.

С трудом сдерживая смех, я снова посмотрела на компанию и взглядом немедленно уперлась, как в забор, в Гаррета Ваэрда. Не обращая внимания на разговоры за столом, тезка нашего розового кустика спокойно ел то, что дали, как простой смертный, а не аристократ с древней фамилией. И никакого отдельного кабинета, куда местные богатеи попадают по кодовому слову, чтобы вместо каши вкусить еду из столичной ресторации. Такое разочарование, ей-богу.

С Мейзом у нас не совпадало расписание. Мы попрощались еще в столовой, и я сразу отправилась на лекцию по общей магии. Исторический во всех отношениях момент был подпорчен тем, что лекционный зал пришлось искать по выданной куратором схеме замка.

Полукруглая аудитория с восходящими рядами оказалась практически заполненной. Народ что-то с энтузиазмом обсуждал, и гвалт стоял такой, будто они коллективно радовались началу учебного года. Я даже на секунду решила, что ошиблась дверью, – лично у меня лек-

ция по общей магии такого воодушевления не вызывала. Скажу больше, ни у кого в Академии общей магии Но-Ирэ эти занятия не вызывали ничего, кроме вселенской печали.

На всякий случай я сделала шаг назад и проверила номер, светящийся над притолокой, но карта местности не соврала, привела четко по нужному адресу. Только потом из дверей я заметила Юну, сидящую в первом ряду. Она низко опустила голову, словно досыпала последний сон или прятала на коленях скабресный романчик и втихомолку его дочитывала.

Я смело вошла и невольно обратила внимание, что оживление на рядах было странным: выжидательным и фальшивым. Словно куча народа разыгрывала спектакль и посматривала на меня исподтишка, с затаенным ехидством. Может, варвары из Элмвуда никогда не видели людей с обычным цветом волос, приехавших с другой стороны скалистой гряды?

– Как дела? – спросила я у соседки по комнате, пристраивая на стол рядом с ней портфель.

Юна резко вскинулась и посмотрела в сторону преподавательской кафедры. Невольно я проследила за затравленным взглядом подружки. Там всех входящих ждал сюрприз!

В центре раздвинутой грифельной доски тянулась крупная надпись на шай-эрсском языке. Аккуратные литеры категорично клеймили: «Шай-эрки – патаскухи».

У меня нервно дернулось веко.

Послание недвусмысленно намекало на вчерашний скандал на вечеринке. И на то, что автор «заборной» росписи не учится на факультете языковедения.

– Знаешь, что злит больше всего? – тихо спросила я, обращаясь к Юне. – Что эти курицы даже в бранном слове сделали ошибку.

– Курицы? – не поняла она.

– Полагаешь, это написал кто-то из парней?

Я дернулась в сторону доски, но Юна схватила меня за рукав пиджака.

– Пожалуйста, только не стирай сама! – прошептала она. – Не надо унижаться!

– Стирать? – невесело усмехнулась я, чувствуя, что с каждым словом начинаю беситься сильнее. – Я хочу устроить урок шай-эрсской орфографии.

Когда я двинулась в сторону преподавательской кафедры, то гул в аудитории стих. Лопатками я ощущала любопытные, выжидательные взгляды. Кто-то тоненько и противно хихикнул, и этот отвратительный звук долетел, кажется, до высоченного потолка.

Взяв огрызок белого грифеля, я призвала магию. Сила прокатилась от локтя до кончиков пальцев. Мелок вспыхнул и, чуточку рассыпавшись, окрасился красным цветом. Протянув руку, я перечеркнула литеру «а», подписала сверху «о», а рядом на первородном языке пририсовала символ «отвратительная успеваемость», которым в Академии общей магии клеймили тех, кто провалил экзамен. Дальше пусть с шутниками разбирается преподаватель.

Посчитав миссию выполненной, я отряхнула руки и собралась покинуть ристалище, как в зал в компании других парней вошел виновник сыр-бора личной персоной. Гаррет скользнул безразличным взглядом по интерьеру – по преподавательской кафедре, по надписи на доске и по мне, отряхивающей руки.

Юна покраснела в цвет мелка, которым была исправлена ошибка, и попыталась стечь под стол. Спрятаться закономерно не сумела и просто низко-низко опустила голову, стараясь сделаться незаметнее.

– Ваэрд! – рявкнула я.

Его величество пожелал повернуться.

– Ты меня позвала, *Адель*? – ответил он на диалекте, мягко и негромко.

– Ты видишь других кандидатов? – фыркнула я и кивнула на доску. – Сотри с доски, *Гаррет*. Будет справедливо, если ты приберешься за клубом своих поклонниц. Не согласен?

– Нет, – ухмыльнулся он, вызвав хохот в аудитории. – Чем ты предлагаешь вытирать с доски? Рукавом?

– Пожалуйста, держи тряпку, – с милой улыбкой я взяла сухую ветошь и продемонстрировала ему.

– Далеко тянуться.

Он развернулся и ленивой походкой под дружное одобрение зала шагнул к широким ступеням, ведущим на верхние ряды.

Взбесившись, я швырнула тряпку ему в спину быстрее, чем успела подумать и испугаться. Оставалось только крикнуть:

– Лови!

Я никогда не отличалась ни меткостью, ни ловкостью, но от злости глаз не подвел, и рука не дрогнула. Сухая ветошь летела ровнехонько в бритый затылок, но в этот момент Гаррет решил повернуться светлым ликом...

Выбив в разные стороны облако пыли, тряпка врезалась в его самодовольную физиономию. Пару бесконечных мгновений Гаррет стоял, как дур... прикрытый тряпицей. Оставив комично-белый след на лице, она плюхнулась на идеально чистую туфлю.

В аудитории воцарилась мертвая тишина. Облако мела окутывало высокую широкоплечую фигуру в идеально скроенном пиджаке, клубилось в воздухе. Белый налет медленно оседал на пустую преподавательскую кафедру и покрывал пол тонким слоем, похожим на снежную поземку.

Клянусь, это показалось бы даже смешным, не будь так чудовищно страшно! Зрители боялись вздохнуть. Юна, оцепеневшая в первом ряду, собралась потерять сознание. Я вполне серьезно раздумывала, пора ли уверовать и начать молиться родным шай-эрсским святым или можно еще подождать.

Рукав Гаррет все-таки испачкал: медленно вытер им лицо. Отбросил мыском изгаженной туфли ветошь и, как-то по-особенному тяжело роняя слова, спросил:

– Шай-Эр, ты швырнула в меня тряпку?

Не ботинок же, право слово. По-моему, ответ очевиден.

Умничать я постеснялась и предпочла попросить прощения:

– Я не думала, что доброшу. Извини.

– Извини? – медленно, словно смакуя звуки, вымолвил Гаррет. – Я обязан переспросить, чтобы быть до конца уверенным. Адель Роуз, ты точно бросаешь мне вызов?

– Вызов... – повторила я, пытаюсь припомнить перевод слова.

В голове оказалась пустота. Полуобморочная Юна вместо толковой подсказки испуганно замотала головой, намекая на что-то значительное. Лучше бы голосом сказала, ей-богу!

Было очевидно, что пора пробуждать переводчик, а то я так сильно окунулась в языковую среду, что почти в ней захлебнулась. И пока, мысленно ругаясь на пышную манишку, я нащупывала под блузкой амулет, Гаррет кивнул:

– Хорошо. Я согласен.

– Согласен?

Вообще-то, вопрос подразумевал ответ, на что именно он согласен, но между нами встал языковой барьер, разница в традициях и – буду откровенной – мое плохое знание диалекта. Я получила, что получила.

– Конечно. – Он холодно улыбнулся. – Если девушка хочет магическую дуэль, как я могу ей отказать?

Глава 3

Объявление войны

Однажды мы с Мейзом ходили поглазеть на магическую дуэль между двумя третьекурсниками. Парни помахали тренировочными шестами и, через три минуты неловко обменявшись разящими заклятиями, в глубоком обмороке отправились на носилках в академический лазарет.

По-моему, это был самый жалкий и позорный поединок в истории дуэльной магии Но-Ирэ. Хорошо, что тренер не позволил им взять настоящие мечи, которые использовали во время турнирных боев, иначе на двух кретинов в академии стало бы меньше. Этаким естественный отбор среди удалых идиотов, к которому я приобщаться не собиралась.

– Как отказать? Да легко! – вырвалось у меня после секундного замешательства. – Если девушка пожелает, чтобы ты сиганул со смотровой площадки, ты тоже не сможешь отказать? Иногда мы хотим очень странные вещи.

Для человека, который просто шутил и пытался не потерять лицо перед большим зрительным залом, Гаррет выглядел исключительно серьезным и даже мрачным. В смысле, настолько серьезным и мрачным, насколько позволяла перепачканная мелом и кое-как оттертая рукавом физиономия.

– Брошенная под ноги вещь считается вызовом на магический поединок, Шай-Эр, – пояснил он, делая ко мне шаг. – Странно получать его от девушки, но кто я такой, чтобы отказывать тебе в такой малости.

– Ты сам сказал, что под ноги! А я попала...

Тут случилась заминка. Из головы вылетело, как на диалекте произносится слово «лицо», зато мгновенно вспомнились «морда», «рожа» и даже «рыло». Осознавая, что вряд ли противник оценит мой богатый словарный запас, я примолкла.

– Договаривай, Шай-Эр, – кивнул он.

– Короче... здесь никто не виноват! – перешла я на родной язык. – Произошла нелепая случайность.

У Гаррета вырвался странный смешок. Все, кто знал шай-эрский, должно быть, подавились на вздохе. Учитывая, что закашлялась только Юна, в плане знания иностранных языков местная публика определенно была дремуча. В общем, как я сама в диалекте.

– Неужели? – тихо переспросил он.

– Я предупредила, что бросаю тряпку. Ты всегда ловишь подкинутые тебе вещи лицом, а не руками?

Он молчал и рассматривал меня с исследовательским интересом орнитолога, обнаружившего на северном полуострове незнакомую черненькую птичку, чирикающую человеческим голосом. Секунды тикали. Где-то в другом мире по коридорам разлетелся басовитый часовой бой, предупреждающий о начале занятия.

– Адель... – тихо произнес Гаррет, не сводя с меня странного взгляда, – я дам подсказку: достаточно извиниться перед людьми за переполох, и конфликт будет исчерпан.

– Перед людьми? – распевно повторила я.

Невольно вспомнилось заплаканное лицо Юны, с решительным видом планирующей сбросить с четвертого этажа цветочный горшок, глумливые пьяные улыбки северян, хохочу-

щих над письмом, и что-то так захотелось этого Ваэрда покусать! Вцепиться ему в руку зубами было бы очень странно и не очень гигиенично, поэтому куснуть хотя бы морально.

– Какие-то в вашем Норсенте странные понятия о справедливости, – с усмешкой проговорила я. – Нас с подругой оскорбили, а мы должны извиняться? Может, сердечно поблагодарить? Вообще, как вспоминаю вчерашний вечер, так приходит мысль, что в такой ситуации дуэль – прекрасная идея.

– Принимаю, – согласился противник, прожигая меня тяжелым взглядом. – Выбери место и время.

– Приветствую, коллеги! – раздался от дверей бодренький голос.

Весь зал коллег, не стовариваясь, поднялся. Грохот при этом стоял такой, словно народ начал ломать парты.

Мы с Гарретом тоже обернулись. В лекционный зал, покачивая портфелем, вошел магистр в черной преподавательской мантии.

– Маэтр Ваэрд, превосходно выглядите! – Он подчеркнуто сделал вид, будто бранная надпись на доске является частью интерьера, и пристроил портфель на преподавательской кафедре. – Милая дама, занимайте место. Минута на подготовку к лекции.

Бросив на Гаррета уничижительный взгляд, я села рядом с подружкой, передумавшей падать в обморок, и начала раскладывать письменные принадлежности. А Ваэрд вдруг устроил представление с раздеванием!

Замерев от такого удивительного поворота, я проследила, как с непроницаемым видом он расстегнул пиджак и стянул его с крепких плеч, оставшись в белой сорочке из дорогого материала. К сожалению, на этом разврат закончился. Как-то слабенько и без огонька.

Проходя мимо, Гаррет швырнул снятый пиджак передо мной, прикрыв папку с писчей бумагой.

– Внезапно...

– Чистка за твой счет, Шай-Эр, – на ходу распорядился он.

Угу. Бегу и падаю, теряя по пути остатки гордости.

Я дождалась, когда он усядется где-то там, наверху, и небрежным жестом смахнула пиджак в проход. Вещь упала с тихим шелестом и покрыла пол получше всякого коврика.

Пока профессор избавлялся от бранной надписи с помощью собственного носового платка и записывал тему лекции мелкими плохо читаемыми буквами, Юна тихо спросила:

– Ты же не пойдешь на дуэль?

– Какая дуэль? – поморщилась я. – Мы просто поцапались.

– Да? – неуверенно переспросила она. – Но Гаррет выглядел таким страшным и серьезным.

– Парни всегда выглядят страшными и серьезными, когда не знают, чем ответить девушке. Если ты в сердцах грозишь кого-нибудь прикончить, то правда хватаешься за нож?

– Я никогда и никому не говорю таких ужасных вещей! – уверенно заявила Юна и добавила на тот случай, если в первый раз показалась неубедительной: – Никогда-никогда!

Тут профессор отвернулся от доски, и мы немедленно прикусили языки. В возбужденно гудящей после инцидента аудитории постепенно воцарилась тишина, разве что кто-то шелестел писчей бумагой или с чьего-то стола звонко падало самописное перо. Дождавшись всеобщего молчания, преподаватель отряхнул руки, но замер на мгновение и с удивлением указал пальцем:

– Маэтр Ваэрд, вы уронили пиджак?

– Нет, магистр, – натужно проскрипели где-то на верхних рядах, по всей видимости, прожигая мой затылок злобным взглядом.

Проблем со зрением у Гаррета Ваэрда точно не имелось: от доски садился высоко, видел далеко, просто глаз-алмаз. И ведь этот... алмазный не соврал: пиджак уронил не он, а я. Вопрос в том, кому униженно поднимать.

Узнать душераздирающую развязку не удалось. Едва лекция закончилась, мы с Юной быстренько собрали вещички и припустили на выход. Подруга уважительно перешагнула через пиджак, не подумав за ним наклониться, а я мстительно наступила, оставив на черной дорожкой ткани фигурный след от туфли. Надеюсь, у Ваэрда свело зубы.

После такого преступления против дорогой одежды из аудитории мы выходили вместе с магистром, более того, практически его перегнав. Наверное, он решил, что лекция была настолько скучна, что новые студентки не чаяли, как сбежать на свободу.

Учебный день пошел своим чередом, а к обеду в мою сторону начал как-то странно поглядывать народ. Не то чтобы я была против такого всеобъемлющего внимания, но на душе стало беспокойно. Даже появилась мысль, что во время лекции по зельеварению, обязательного для магов общего направления предмета, северяне снова по-дурацки пошутили и прицепили мне на спину записку с тем самым бранным словом, каким испачкали доску.

– У меня ничего нет на спине? – атаковала я Юну, когда мы встретились на входе в башню факультета языкознания.

– Есть, – кивнула она. – Мелом чуточку испачкалась. Стряхнуть?

Тут нас нагнали парни из Шай-Эра, направляющиеся на общее для всех студентов по обмену занятие по северному диалекту. Для всех, кроме Мейза, само собой – воплощенное высокомерие изъяснялся на диалекте получше некоторых северян.

Один из наших земляков, темноволосый, худой и носатый, студент Академии высшей магии при королевском дворе, с самым серьезным видом заявил:

– Ты очень смелая, Адель Роуз!

Вот он неловкий момент, когда человек называет тебя по имени и фамилии, а ты не можешь даже его шутовское дружеское прозвище вспомнить. Но точно знаешь, что он живет в верхнем квартале Но-Ирэ, куда простые смертные со своими каменными домишками в один этаж просто не вскарабкиваются.

Он сжал мое плечо – кстати, больно – и добавил, словно благословлял на новую войну с северным полуостровом:

– Мы никогда не забудем ни тебя, ни принесенную тобой жертву!

Не поняла...

– Почему это прозвучало так, будто вы собрались меня съесть в голодную зиму?

Теплота во взгляде и голосе человека, который сразу после знакомства сморщил нос и пробормотал приятелю: «Ни одной симпатичной девчонки в группе», по-настоящему удивляла. Понимаю, еще необязательно отличаться писаной красотой, но все равно странно.

– Ты большая молодец! – похвалил он. – Даже шутить в этой ситуации можешь.

– Что такого случилось, что вы всем коллективом меня как в последний путь провожаете? – уточнила я, сбрасывая тяжелую мужскую руку, по-хозяйски поглаживающую мое плечо.

– Разве не ты вызвала на дуэль какого-то северянина? – недоуменно спросил он.

Мы с Юной настороженно переглянулись.

– Нет, конечно! Перед первой лекцией местные пытались над нами некрасиво подшутить, и я поцапалась с этим парнем.

– И все? – Земляк озадаченно почесал затылок.

– Все, – согласно кивнула я, но беспокойство, поселившееся внутри, переросло в тревогу.

– Тогда почему на турнирной доске написали твое имя и какого-то Ваэрда?

– Что еще за доска?!

Оказалось, что такая действительно существовала, и во время экскурсии нас даже подвели к этой главной достопримечательности Элмвуда. Просто в тот момент меня больше

интересовал вопрос, где находится лазарет и как до него добраться, не издохнув по дороге, поэтому доска помнилась, как в тумане.

Висел этот рупор студенческой жизни напротив столовой, и на нем действительно были начертаны наши с Ваэрдом имена, разделенные знаком «противостояние» на первоуродном языке.

– Ой! – испуганно промычала Юна, прикрыв ладошкой рот.

Я тоже подумала «ой», но только ругательством. К тому же в глаза бросалось, что в моей фамилии сделали ошибку и превратили из «розы» в «заморыша». Похоже, в этой академии у народа вообще были большие проблемы с грамотностью.

– Это законно? – спросила я ни к кому не обращаясь.

– Шай-эрские фамилии сложно переводить на диалект, – попыталась оправдать Юна чужую безграмотность.

– Я о дуэли.

– Ну... в правилах академии написано, что за магические конфликты отчисляют без права восстановления, но стороны могут выяснить отношения на арене, официально объявив о поединке.

– Ты читала устав? – изумилась я.

– А ты нет? – в свою очередь удивилась Юна. – Я неделю со словарем сидела.

Вместе с официальным приглашением из Элмвуда мне прислали разные брошюры с требованиями, описанием клубов и прочей студенческой ерундой, но кто изучает устав учебного заведения? Тем более написанный на диалекте! Я не знакома ни с одним человеком... ни с одним, кроме Юны. Даже Мейз не стал напрягаться, а уж он любитель.

Правила казались очевидными: не укради у соседа, не брось во врага своего разящего заклатья, не взломай кабинет ректора. В идеале вообще никогда не знакомься с ректором – меньше знаешь, лучше спишь. Не хулигань на улицах столицы, никогда и ни за что во хмелю не попадайся городским стражам. Но мы приехали в Норсент! Тут все не как у нормальных людей. В смысле, не как у шай-эрцев.

– Идем! – Соседка решительно схватила меня за руку и потянула в противоположную от столовой сторону.

– Куда?

– Во внутренний двор. Сейчас как раз большой перерыв.

– Как это связано?

– В одном из зимних писем Гаррет рассказывал, что в теплую погоду во время большого перерыва старается выйти во внутренний двор и подышать воздухом, там красиво и тихо. Можно спокойно почитать, пообщаться...

– Со статуей драконовой химеры, – подсказала я.

– С друзьями и с природой! – сердито поправила Юна. – Уверена, мы найдем Гаррета там. Если с ним спокойно поговорить, то все разрешится. Я верю, что он хороший!

– Особенно когда держит зубы сомкнутыми, – с сарказмом поддакнула я.

– Просто он не ожидал, что я приеду из Шай-Эра. А так... – Она замаялась, понимая, что попала в логическую ловушку и пытается защитить человека, который вообще-то уже доказал, что является редкой скотиной. – Он очень добрый.

– Жаль, ему никто об этом не напоминает.

– Адель! – остановившись поперек людского потока, с отчаяньем воскликнула подруга. – Отчего ты всегда думаешь о людях плохо?

– Потому что они не позволяют подумать о них хорошо, – пояснила я. – Забыла? Твой парень вчера оказался так хорош, что ты едва не казнила невинную розу!

– Вот и дай Гаррету шанс доказать нам обоим, что он приличный человек!

С самым серьезным видом я воззрилась на соседку.

– Смотрю я на тебя, Юна, и не пойму, почему его совершенно не видно в темноте? Приходится на ночь снимать, чтобы не светился и не мешал спать, да?

– Что именно? – непонятливо моргнула она и зачем-то провела ладонью по русым волосам, убранным под тонкий серебряный ободок.

– Нимб!

Через высокие решетчатые окна галереи мы осмотрели внутренний двор. Хорошая погода выгнала на улицу довольно много студентов. Было оживленно. Безразличная к суете драконова химера грела на солнце каменные бока, а на ее морде нахохлились вездесущие воробы.

Компания парней, перебрасываясь кожаным мячом, случайно залепила им в статую. Стайка птиц сорвалась с насиженного места и синхронно обернулась крошечными ящерками с перепончатыми шипастыми крыльями. Сделав круг над площадью, химеры превратились в воробьев и уселись обратно на нагретый камень.

– Вон он, – указала Юна в сторону скамеек.

Гаррет Ваэрд в белой рубашке с закатанными рукавами действительно принимал солнечные ванны! Закинув ногу на ногу, он с задумчивым видом почитывал какую-то книгу. Рядом стоял открытый термос с напитком. Все, как по рассказанному в письме.

– Поверить не могу, он еще и читает! – покачала я головой.

В смысле, конечно, Гаррет умел читать, слава божественному слепцу, высшее образование получал, но парень с кольцом в брови, выбритыми висками и с повадками варвара на перемене читал книги? Если это окажутся стихи – клянусь! – моя жизнь перестанет быть прежней.

– Адель, постой! – Юна покосилась в окно, быстро облизала губы и с умоляющей интонацией попросила: – Давай я подожду тебя здесь.

Говорили, что зима в Норсенте скорая, часто в середине октября ложится снег. Но пока в воздухе не ощущалось тоскливого холода, в Шай-Эре пахнущего осенними высокогорными цветами и жареными тыквенными пирожками, которые повсеместно продавали на улицах. Вокруг еще царило лето.

Решительной походкой я пересекла двор и утвердилась напротив Ваэрда. Не поднимая головы, он перевел взгляд со страницы на мои ноги в узких брюках и, только закрыв книгу, холодно посмотрел в глаза. Было любопытно, что именно он читал, но томик лежал названием вниз.

– Я видела наши имена на турнирной доске.

– Выбрала место и время?

Не понимаю, как мужчина с таким теплым голосом и внимательными глазами может быть... Гарретом Ваэрдом? Просто вселенская несправедливость.

– Ты их написал?

– Полагаешь, мне больше нечем заняться?

Кто тебя знает? Может, вызвал девушку на поединок и раструбил на весь мир. С другой стороны, мы же не в закрытой темной комнате тряпкой-то швырялись...

– Гаррет, я пришла заключить перемирие.

На этих словах он скрестил руки на груди, приняв настолько вальяжную позу, что захотелось дерзить, а не извиняться. Но поддаваться соблазну, заключая пакт о ненападении, было недальновидно.

– Мне искренне стыдно за брошенную тряпку. Поступок был по-детски глупым. И за случайно уроненный пиджак тоже неловко, – покачалась я.

– Случайно? – насмешливо уточнил он на диалекте.

– Ты был прав, мне следует оплатить чистку. Нет! Я сама отнесу пиджак в прачечную и прослежу, чтобы от него не отрезали ни одной драгоценной пуговицы.

– Даже так?

Односложные, ироничные ответы вызвали беспокойство, но я не теряла бодрость духа. Вернее, старательно его удерживала, хотя задора во мне заметно убавлялось с каждой секундой.

– И давай забудем о нашем маленьком недоразумении, – жизнерадостно предложила я.

– Нет.

– Что значит – нет?! – опешила я.

– В северном диалекте слово «нет» имеет одно-единственное значение: отказ.

– Но я же искренне извинилась!

Он резко встал. Ойкнув, я попятилась, чтобы не уткнуться ему в грудь, и снова оказалась в невыгодном положении человека, который во время ссоры вынужден униженно смотреть снизу-вверх.

– Кажется, ты решила, что я пошутил?

– Тебе не кажется, – согласилась я, больше не собираясь двигаться ни на полшагочка. – Не смущает выйти на арену с девушкой? Гордость не задевает?

– В Норсенте женщины имеют равные права с мужчинами, а моя гордость – не твоя головная боль.

Терпеть не могу, когда парни пользуются физическим превосходством! Сразу хочется отдалить противнику ногу и ударить каблуком по голени, но насилие никак не согласовывалось с желанием уладить конфликт мирно. Впрочем, похоже, мирно он и не улаживался...

– Что ж, в некоторых вопросах я совершенно не принципиальная. Давай мы не будем терять время на дурацкий поединок, согласна признать свое поражение, не размахивая мечом. Ты выиграл эту дуэль, Гаррет. Сердечно поздравляю!

Я протянула руку для рукопожатия. Несколько бесконечных секунд Ваэрд разглядывал мои тонкие пальцы с аккуратными короткими ногтями без лака.

– В таком случае, Адель, пакуй вещи в дорожный сундук и выметайся из Элмвуда, – совершенно спокойно, словно предлагал прогуляться до общаги, проговорил он.

– Что ты сказал? – опешила я, и протянутая рука сама собой упала.

– Победитель имеет право потребовать от побежденного компенсацию. Я хочу, чтобы ты убралась в свой Шай-Эр.

– Уже покидала в сундук туфли и оформила переход в портальной гавани! Ты сын ректора, Гаррет Ваэрд? – зло фыркнула я.

– Нет. – Он с трудом сдерживал улыбку, наблюдая, как я бесилась.

– В таком случае тебе не удастся выставить меня из Норсента. Разве что отправить запертой в дорожном сундуке.

Мне совершенно не понравился интерес, вспыхнувший в его глазах. Выглядело так, будто ему совершенно бесплатно подкинули идею, и он планировал на досуге хорошенько обдумать соблазнительность перспективы выслать раздражающую девицу как багаж. Желательно в плыв по морю.

– Похоже, Гаррет, по-хорошему мы не сговоримся... – резюмировала я. – Давай устроим дуэль! Но я тоже хочу компенсацию.

– Какую?

– Не переживай, придумаю. Поверь, с фантазией у меня полный порядок.

– Я заметил.

– Выбери место сам, я плохо знаю Элмвуд.

– Малая арена, – немедленно предложил он.

– В пятницу.

– Завтра! – Противник отказался ждать жалкие пару дней.

– Ты выбрал место, я – день. Мне нужна пятница!

– Что ты собираешься делать до пятницы? – криво усмехнулся Ваэрд. – Дорожный сундук складывать?

Какой-то странный вопрос. Конечно же, учиться основам турнирной магии. Если с призывом силы и общими заклятиями у меня проблем не было, то как держать в руках тренировочный шест я понятия не имела.

– К дуэли надо хорошо подготовиться: компенсацию придумать, прическу сделать...

На этих словах он перевел взгляд на мои темные кудри, благопристойно собранные в пучок, и согласился:

– Да, прическу сделать не помешает.

Я чуть не подавилась на вздохе. На себя пусть в зеркало посмотрит! Тоже мне образец аристократической аккуратности.

– И кстати, клуб твоих поклонниц просто обязан извиниться! – бросила я напоследок. – В отличие от тебя я всегда принимаю искренние извинения.

К подруге, нервно следящей за нами из большого окна, я возвращалась бодрой походкой, но в наимрачнейшем настроении, которое отчаянно старалась не показывать.

– Как все прошло? – спросила она, едва я вернулась в прохладное фойе. – Показалось, что вы опять поругались.

– Как ты и сказала, я дала Гаррету шанс доказать, что он хороший парень.

– И?

– Он успешно доказал, что плохой.

– Что это значит? – не поняла подруга.

– Дуэль в пятницу на малой арене.

– Господи, на малой арене?! – с ужасом, заставившим проходивших мимо людей обернуться, вскрикнула Юна, словно знала об этом месте страшную тайну. Вроде той, что все девушки, подписавшиеся на дуэль с северянами, обязательно заканчивали жизнь разоренными лавочницами и с пальцами, потерявшими чувствительность от едкого сока аскарома.

– А что не так с этой ареной? – немедленно почуяла я подвох.

– Понятия не имею, – покачала подруга головой. – Я даже не знаю, где она находится.

Воздух рассек бой часов, созывающий студентов на последнее занятие первого учебного дня. Из внутреннего двора к дверям ринулся народ.

– Идем? – Я приобняла ее за плечи и утянула по направлению к башне факультета языкознания.

Юна послушно зашагала рядом, но все-таки спросила:

– Но как же поединок? Ты что-нибудь знаешь о турнирной магии?

– Ничего! Но поединок в пятницу, а северный диалект сейчас. Если из-за пропусков я и с куратором наживу проблем, то точно не дотяну до конца полугодия.

Языковой курс вела совсем молоденькая преподавательница, по виду чуть старше студентов. Она не сказала ни слова, когда мы с Юной, тихонечко поскребясь в дверь, быстренько заняли свободные места в разных концах аудитории. Усевшись на последней парте в углу, я оказалась практически невидимой для преподавателя. Пока остальных шай-эрцев третировали вопросами по грамматике, я в мрачных красках представляла гипотетическое возвращение домой.

Мама, безусловно, обрадуется, что ни одна стихия не успела испортить дочери цвет волос благородного оттенка «вороново крыло», а папа придет в ярость и лично запишет меня на бытовую магию.

После королевской службы, выдрессировав три тысячи домовых духов и поставив в горных аулах три сотни защитных контуров от диких виверн, я уйду на покой и открою собственную магическую лавку. Буду продавать укрепляющие эликсиры, выжимать сок из ягод аскарома, восполняющего магические потери, и катать собственными руками энергетические шарики галькою. Правда, пока я понятия не имела, как их делают, но, без сомнений, меня научат. На бытовой магии в принципе обучают весьма приземленным вещам.

Если что, я вовсе не считала, будто держать магическую лавку зазорно. Все лавочники на нашей улице очень милые люди и дают скидки постоянным покупателям. Просто продажи – и это доказанный факт – не самая сильная моя сторона.

Когда нам с Мейзом было по девять, мы продавали амулеты из храма божественного слепца на Птичьей площади и планировали пожертвовать вырученные деньги приюту бездомных химер. Стыдно вспомнить, но я умудрилась доплатить какой-то ушлой тетушке четыре сантима, чтобы та купила амулет – за два. До сих пор от себя в шоке! Особенно учитывая, что никогда не испытывала проблем с арифметикой.

– Как ваше имя?

Внезапно я осознала, что абсолютно все повернулись в мою сторону. Угол аудитории из слепой зоны превратился в самую просматриваемую. Преподавательница приветливо кивнула, поторапливая.

– Адель Роуз, госпожа профессор, – выпалила я на шай-эрском языке.

– Если бы вы не опоздали, то услышали главное правило этого курса: в аудитории языкознания мы говорим только на северном королевском диалекте.

– Простите, мастреса профессор.

– Вы очень смелая, Адель! – похвалила меня она.

Опять?! Да я даже не шевелилась!

– Я? – на всякий уточнила у преподавательницы.

– Выбрать классическую поэзию Норсента темой эссе – потрясающая воображение смелость! Думала, никто не возьмется, но вы подняли руку. Удивлена!

А уж как я удивлена, словами не передать! Особенно словами на северном диалекте. Когда только успела? С другой стороны, если мозг не подает сигналов присутствия, то тело начинает жить собственной жизнью. Удивительно, как я подняла одну руку, а не две.

– Искренне восхищена! – продолжала петь дифирамбы преподавательница, словно не замечая ужаса, проступившего у меня на лице (точно проступил, зуб даю). – И не стесняйтесь обращаться ко мне за помощью в подборе литературы. Я испытываю безмерную страсть к классической поэзии.

– Спасибо.

– Кто ваш любимый поэт?

Да вы шутите, госпожа преподаватель! Они все нелюбимые!

Кое-как я выудила из памяти пару имен из школьного курса по чтению в старших классах. От натуги по спине побежала капля пота, и захотелось расстегнуть пару верхних пуговиц на рубашке.

– Вы уж постарайтесь, мастреса Роуз! – подбодрила меня преподаватель. – Я рассчитываю на вас.

Я начинала склоняться к мысли, что Ваэрд делает мне большое одолжение, если прикончит на дуэли. Все равно добьют мертвые классики северного полуострова. В голове неожиданно всплыла старая шутка: «Вы не любите норсентскую классическую поэзию? Вы просто никогда не читали этих стихов у надгробья злейшего врага!»

Глава 4

Основы турнирной магии

За время занятия на турнирной доске произошли изменения. Мы с Юной обнаружили их, когда сразу после практикума спустились в столовую. Конечно, лучше бы список дуэлянтов этой недели пополнился парой десятков имен, но кроме нас с Гарретом других талантов не нашлось. Видимо, народ терпел, чтобы в полной мере насладиться нашим совместным позором. Но кто-то педантично исправил ошибку в моей фамилии, а под именем противника пририсовал мелом двухзначный шифр.

– Поздравляю, подруга! – вставший рядом с нами Мейз, громко захлопал в ладоши у меня над ухом. – Как ты умудрилась?

– Слово за слово... – вздохнула я, отталкивая его руки. – Кстати, что за порядковый номер под именем Ваэрда?

– Ставки.

Другими словами, они еще и тотализатор устроили. Куда магистры смотрят, когда у них тут академия в натуральный игорный дом превращается?

– Почему под моим именем нет ни одной ставки? – возмутилась я, указав пальцем на доску.

– Ты рассчитываешь победить? – скосил он глаза.

– Поставь завтра!

– Я уже поставил, – дернул головой Мейз.

– Мейз Эйбл, мы знакомы с рождения, а ты за какой-то час успел поставить на моего противника?! Вот сейчас ты меня по-настоящему расстроил! В следующий раз, когда сляжешь с горловой жабой, не буду тебе кружки с горячим бульоном из кухни таскать. Понял? – проворчала я и, развернувшись на пятках, замаршировала в столовую.

– Эдди, подожди меня! – Юна припустила следом.

Свободных столов не нашлось, и нам с соседкой пришлось скромно пристроиться к северянам на два последних свободных стула. Но не успели мы разместиться, как сотрапезники подхватили подносы и быстро освободили места.

– Смотрю, ты мне пространство расчистила. – Мейз без зазрения совести уселся рядом.

– Не заметил, что я тебя подчеркнуто игнорирую?

На столе появился обед. Большая миска с горячим жидким супом, вокруг которой теснились соленые закуски.

– Пообедаем и пойдем тренироваться, – распорядилась я, переставляя тарелочки с этими странными гарнирами, как их называли северяне, поближе к лучшему другу. – У меня всего два дня, чтобы освоить турнирную магию.

– За два дня ты разве что научишься падать, не разбивая нос, – насмешливо фыркнул он.

– По-моему, вернуться из дуэли с целым носом большая победа, – хмыкнула я и быстро спросила: – Все еще не хочешь передумать насчет ставки?

– Нет, но дам совет, как лучший друг лучшему другу: после еды не стоит заниматься турнирной магией, иначе впрок не пойдет.

– Что именно? – совершенно серьезно, словно не догадывалась, что паршивец надо мной измывался, уточнила Юна.

– И то, и другое, – хмыкнул Мейз.

– В таком случае не наедайся, – вернула я ему совет.

– Заниматься собираешься ты, а почему голодать должен я?

– Ты покажешь мне основы турнирной магии.

– Я?! – обескураженно уточнил он.

– Мейз, ты занимался турнирной магией? – восхитилась Юна. – Как чудесно!

– В шестом классе, – не скрывая раздражения в голосе, припомнил тот, – и это был поистине чудовищный опыт.

– В шестом классе? – с подозрением покосилась я на друга. – Совсем недавно. Всего-то десять лет назад.

Отчего-то мне казалось, что тогда мы ходили в младшую школу, и именно возраст позволял Мейзу перед каждой тренировкой вдохновенно выть в подушку, размазывая по наволочке в цветочек сопли.

– Я ничего не помню.

– Сколько тебя знаю, ты никогда не жаловался на память. Уверена, что с турнирной магией, как с вязанием: голова забыла, а руки помнят.

– Этим их шестом размахивать – не петельки на спицах перебирать, – нетерпеливым тоном объявил будущий тренер.

– Тебе лучше знать. Из нас двоих именно ты умеешь вязать, – парировала я.

– Мейз умеет вязать?! – вскрикнула Юна.

– Получше городских мастериц, – охотно поделилась я. – На каждый Новый год дарит всем разноцветные шарфики и варежки. Очень милые. Если попросишь, он и тебе свяжет. Ой, я еще про печенье не рассказала!

– Печенье? – восторженно повторила Юна и бросила на парня уважительный взгляд. – Ты еще и печь умеешь? У нас дома служит повар, но папа каждое воскресенье сам готовит завтрак.

У нас папа был способен разве что сжечь завтрак... Если бы он занимался этим каждую неделю, то мы с мамой превратились бы в ярых прихожанок храма божественного слепца и с раннего утра в воскресенье сбегали на проповеди. Дешевле обошлось бы.

– А какие Мейз маринует кабачки с красным перцем... – мечтательно закатила я глаза.

В отрочестве роль подружки-умницы, с которой меня вдохновенно сравнивала неугомонная родительница, досталась Мейзу с его странными увлечениями.

В тринадцать лет он ни с того ни с сего начал вязать, высокомерно заявив, что медитативное занятие учит усидчивости. Подозреваю, в тот год он в кого-то влюбился и таким нехитрым образом успокаивал нервишки. Но родительница-то была не в курсе, что лучшее снадобье от разбитого сердца – вязание, и съела мне плешь на голове, дескать, даже мальчишки способны освоить простейшие плетения на спицах, а ее дочь разве что клубок запутает.

Но роковым в моем отрочестве стал день, когда мелкий (в то время) гаденыш решил освоить кулинарию и с первого раза испек миндальные печенье!

Страшно вспомнить, что происходило с мамой. Три недели я боялась возвращаться домой после занятий – едва заходила в двери, сразу попадала к очагу. Складывалось впечатление, что она тренировала единственную дочь для службы королевской поварихой. Какое счастье, что из-за ежедневных кухонных подвигов у меня снизился учебный балл, и папа решительно прекратил мучения! До сих пор на коврижки с джемом и слойки с козым сыром не могу смотреть без содрогания. Готовить тоже терпеть не могу.

– В общем, он у нас очень разносторонний парень, – бессовестно подлила я меду в чашу его самомнения, – просто кладезь талантов!

– Так и быть, – удовлетворенно кивнул Мейз, – потренируемся.

Неожиданно приятель протянул длинные руки и забрал у меня миску с супом, откуда аппетитно высовывался осколок мозговой косточки, обвернутой в мягкое мясо.

– Почему ты средь бела дня ворует мою еду? – непонимающе проследила я за приземлением тарелки в центр стола и немедленно плюхнула в глубину бульона облизанную ложку, чтобы у нахального вора не возникло желания прикончить лишнюю порцию.

Он даже бровью не повел и уверенно ответил:

– Когда будешь прыгать по залу, скажешь спасибо, что не переела.

– Да я уже очень благодарна, если ты не заметил, – возвращая тарелку на законное место, в смысле, к себе на поднос, уверила я. – Тут переедать вообще-то нечего.

Он сглазил – объелись все трое. Тренировку пришлось отложить на пару часов. За это время я успела сходить в библиотеку за дуэльным кодексом. Хотелось до конца быть уверенной, что Гаррет не сумеет меня выставить из Элмвуда, когда... в смысле, *если* победит.

У правил проведения магических поединков оказалось почти семнадцать редакций! Я выбрала самую последнюю, всего лишь столетней давности. Потом поприставала к смотрителю читального зала, пытаюсь выяснить, нет ли текста свежее, но оказалось, что в холодном мрачном Норсенте действительно застряли в темных временах первородного языка и договорных браков.

– Нашла кодекс? – спросила Юна, когда я вернулась в общежитие. Она уже успела переодеться в спортивную форму, хотя тренироваться не собиралась. Видимо, хотела поддержать командный дух.

– Столетний, – проворчала я. – Хорошо, что у меня такой же старый словарь.

– У тебя есть словарь старых слов? – восторженно воскликнула соседка. – Откуда?

– На блошином рынке купила, – пожалала я плечами, заходя за ширму, чтобы натянуть спортивную форму с алой эмблемой Академии общей магии в Но-Ирэ. – Просили пятьдесят, но удалось сторговаться за двадцать пять.

– Тысяч динаров?

– Каких тысяч? Сантимов!

Последовала странная пауза. Переодевшись, я выглянул из-за ширмы.

– Когда познакомишься с моим папой, ни в коем случае не рассказывай эту историю про двадцать пять сантимов, – с самым серьезным видом велела Юна. – Даже не упоминай! Он отдал за раритетный словарь стоимость половины городской библиотеки и даже не разрешил его взять в Норсент.

– Вас обманули.

– Я уже догадалась.

В назначенное время мы втроем встретились перед гостеприимно раскрытыми дверями спортивного крыла и в нерешительности остановились. Впереди тянулась длинная широкая галерея, залитая ржавым полуденным солнцем. В воздухе плавала туманная дымка. Каменные стены прикрывали гобелены с вытканными символами первородного языка.

Глядя на то, как внутри прохаживаются атлетически сложенные парни, мы единодушно чувствовали себя шпионами, проникающими на чужую территорию.

– Эй, гости из Шай-Эра, если пришли на отбор в команду турнирной магии, то торопитесь! – Магистр с рыжими волосами, пронизанными красными прожилками огненной стихии, как-то ловко заставил нас шагнуть в галерею. – Разминка уже закончилась.

– Мастрес магистр, мы как раз хотели размяться, но без отбора, – быстро сориентировался Мейз. – Где нам найти свободный зал?

Нас отправили на второй ярус большой арены, подробно объяснив, где находится лестница. Следуя инструкциям, мы поднялись на балкон, опоясывающий просторный гулкий зал. Внизу под защитным пологом, напоминающим прозрачную дышащую жаром вуаль, шел тот самый отбор в команду по турнирной магии. Вокруг пар, борющихся на длинных тренировочных шестах, прохаживались крепкие парни в спортивной форме.

Неожиданно среди прочих судей я заметила Гаррета Ваэрда и, невольно замедлив шаг, приблизилась к парапету. Облокотиться на перила, правда, не удалось: гладкий камень гудел от переизбытка магии. На поверку даже на уважительном расстоянии пальцы пронзило чувствительным разрядом. Пришлось отступить и вытянуться в струнку, чтобы получше разглядеть моего дуэльного противника.

Очевидно, что маэтр Самодовольство и Не прощаю девушек был обязан заниматься чем-то таким – пафосным, но банальным – вроде турнирной магии и, попивая кофе из термоса, читать книжки в перерывах между лекциями. Наверняка у него не возникало проблем с норсентской поэзией.

У таких людей, в принципе, ни с чем проблем не бывает. Даже с классической литературой.

– Адель, ты чего застряла? – недовольно оглянулся Мейз.

– Кого-то увидела? – заинтересовалась Юна.

– Ваэрда, – кивнула я в сторону магического полога.

Парочка немедленно приблизилась к перилам и синхронно отпрянула на шаг, получив задорный магический разряд. На секунду показалось, что у Мейза даже кудри стали чуточку пышнее.

Внизу между тем случилась заминка. Один из парней, крупный, но неповоротливый, пропустивший уже парочку чувствительных ударов от противника, выронил тренировочный шест. С грохотом оружие отскочило на пол, и движение в зале неожиданно остановилось. Все повернулись к растерянному увальню.

Ваэрд жестом приказал неумехе выметаться, а сам ловким движением подцепил шест мыском ботинка, подбросил вверх и сжал в руке. Трюк был проделан с завидной легкостью и точностью. В отличие от меня Гаррет владел дурацкой тренировочной палкой.

– Теперь я и сама подумываю на него поставить, – пробормотала я с тяжелым вздохом.

– Почему бы тебе просто не извиниться перед этим парнем? – спросил Мейз.

– Думаешь, я не пыталась?

– Искренне.

– Просто для понимания, господин профессор, какой мерой измеряется искренность? Если заплакать – это искренне?

– Драматизм всегда театрален, – скривился Мейз. – Ты могла принести леденцовые шарики.

В первородном языке слова «сладость» и «прощение» записывались совершенно разными символами, но были созвучными при произношении. У нас на родине частенько пользовались этим каламбуром и в качестве извинений дарили конфеты.

– Гаррет не любит сладкое, – зачем-то оповестила Юна.

– Видишь, Мейз? – фыркнула я, отходя от перил. – Он такая большая сволочь, что даже сладкое не любит.

– Он не сволочь! – рефлексивно возразила подружка, но под нашими осуждающими взглядами сникла: – Он маленькая сволочь... Ладно, вы правы! Все хорошие люди любят сладенькое и шоколадки в блестящих обертках.

– Я не люблю шоколад, – с надменным видом скосил глаза Мейз.

– Что и требовалось доказать, – не упустила я возможность позубоскалить.

– Кажется, кое-кто сейчас будет учиться турнирной магии по самоучителю, – недовольно прокомментировал приятель. – Я подскажу, где его найти в библиотеке...

Спортивный зал оказался тесным, с низкими потолками и несколькими маленькими оконцами на высоте перекрытий. В эти квадратные прорези с трудом проталкивался бледный свет, и в его косых полосах плавала пыль. На деревянном полу был нарисован белый круг для

спаррингов. На держателях лежали тренировочные шесты с кожаной оплеткой. Подозреваю, что сюда отправляли размахивать оружием неумех вроде меня.

Юна устроилась на низкой скамье, стоящей у стены, а мы подошли к стойке с оружием. С видом профессора Мейз указал на нее рукой и важно заговорил:

– Тренировочные шесты!

Никогда в жизни меня официально не знакомили с неодушевленными предметами...

– Их вытачивают из особого сорта древесины, проводящей магию, – продолжил он лекцию. – Вес равен весу боевого меча.

– Я в курсе. Мы сегодня перейдем от теории к практике? Или мне действительно пойти почитать самоучитель?

– Ты всегда такая нетерпеливая, – проворчал Мейз, снимая шест и передавая мне: – Бери.

– Что ж он такой тяжелый?! – охнула я.

В версии лучшего друга держать тренировочный шест следовало, как удочку на рыбалке за кристальными сомами. Должна заметить, что рыбак из него отвратительный. Хуже только тренер по турнирной магии. Десять лет подряд он так энергично выбивал из памяти спортивные знания, что к нашей тренировке забыл окончательно. Даже пресловутая мышечная память валялась в летаргическом сне. Он пыжился, с умным видом размахивал шестом туда-сюда и приговаривал:

– Вправо-влево!

– Юна, пригни голову! – охнула я, боясь, что, увлекшись, он шарахнет нашей новой подружке по макушке и оставит круглой дурочкой.

– Пробуй, Адель! – скомандовал Мейз. – Вправо и влево! Туда-сюда!

Меня безбожно заносило и вправо, и влево, и назад, и вперед. Руки горели от тяжести шеста, при каждом махе в позвоночнике что-то щелкало.

– Долго мне еще разгонять воздух?

– Да, машешь ты не очень, – резюмировал Мейз, всегда умевший подбодрить друга в сложном положении. – Давай попробуем нападение.

Он сделал неожиданный и резкий выпад. Тренировочный шест с гудением рассек воздух возле моего уха. Пугаясь в ногах, я не особо ловко отшатнулась в сторону и сцедила сквозь зубы сочное ругательство. Длинное деревянное древко вспыхнуло, но стремительно погасло.

– Ясно? – с самодовольным видом спросил друг и покровительственно кивнул: – Пробуй.

Сила послушно отозвалась на призыв. Ощущение было непривычным: дерево под ладонями мгновенно втянуло заклятие, добавляющее удару мощи, и замерцало розоватым свечением.

– Бей! – скомандовал Мейз.

– Так?

В порыве вдохновения я выбросила оружие вперед и никак не ожидала, что впечатают тупой конец Мейзу аккурат в глаз. Пугающе крикнув, приятель опрокинулся и с таким грохотом рухнул спиной на деревянный пол, словно его скелет состоял из свинцовых костей. Прикрыв руками лицо, он перекатился на бок и застонал. Я выронила убийственную палку.

– Мейззи, ты выжил?!

Что сказать? Внезапная меткость сегодня была моим вторым именем.

– Если у него сотрясение мозга, то лучше лежать на спине и не шевелиться! – подскочила к нам побледневшая от испуга Юна.

– Мейз, у тебя есть сотрясение? – уточнила я.

– У меня потрясение! Я ничего не вижу правым глазом! – простонал он.

– Да ты его просто ладонью прикрыл.

– Ты в него шестом ткнула! – Мейз отодрал руки от лица и... глаз выглядел отвратительно. Удивлюсь, если не отчет до крошечной слезящейся щелочки, а просто опрятно зальется черным фингалом.

– Господи, ему надо к лекарю! Вдруг он ослепнет? – с таким видом, словно парень был при смерти, пролепетала Юна. – Мейз, давай мы тебя отвеем в лазарет.

Он осторожно присел, потер отбитый затылок, потрогал бровь над стремительно заплывающим глазом.

– Не вставай сам! Вдруг голова закружится? – всполошилась она.

– Мы тебе поможем, – согласилась я.

Мы бросились на помощь контуженному другу. Засуетившись, Юна отдала его растопыренные пальцы, и Мейз взорвался, потрясая обтопанной рукой:

– Да вы угробить меня надумали!

– Ой, прости! – еще больше испугалась подружка. – Я случайно! Больно, да?

– Одна глаз выбила, вторая пальцы отдала, – со вкусом ругалась жертва женской неуклюжести. – Дамы, у вас хоть что-нибудь святое за душой есть? Не в курсе, что у артефактора самое важное – это глаза и руки?

– Ничего, алхимия тебе тоже отлично дается, – подбодрила я.

– Еще скажи, что бытовой магией вообще можно заниматься одноглазым и одноруким! – огрызнулся он, видимо, не услышав в моем голосе искреннего сочувствия.

– Я подумала, но промолчала, – пошутила я, но, судя выразительному взгляду Юны, лучше бы действительно держала язык за зубами. Сразу сошла бы за умную.

Где находится лазарет, я помнила отлично – во время экскурсии его расположение интересовало меня больше всего. Ничему в тот черный день я не радовалась так, как знаку «лечение» на первородном языке, светящемуся на гладкой оштукатуренной стене. Правда, местными комфортными койками насладиться не удалось – лекарь куда-то вышел. Я поздоровалась с пустой приемной, отстала от группы и с чистой совестью вернулась в общежитие.

Травмированного парня встретили в лазарете как родного. Взлохмаченный лекарь, по виду совершенно сумасшедший, закапал ему в заплывший глаз какие-то жгучие капли, вручил повязку, сделавшую приятеля похожим на пирата, и отправил с богом отлеживаться в общагу. Но рядом была только я, и он с удовольствием превратил остаток паршивого дня в натуральное чистилище, по сравнению с которым дуэль с северянином казалась детской забавой.

Мейз свято верил, что горячий бульон – лекарство от всех болезней. Желательно, мамин, но покупной тоже вполне сойдет. Как человек, доведший лучшего друга до лазарета, я безропотно сбегала в столовую за кружкой густого бульона из мозговых костей, заодно прихватила лепешки с тыквенной начинкой.

В сентябре на улицах Шай-Эра жарили масляные пирожки со сладкой тыквой и ароматными пряностями. Лепешки на полуострове чем-то походили на самый популярный перекус на нашей родине, и я хотела сделать Мэйзу приятно.

Жест он оценил настолько, что, прикончив еду с немыслимой скоростью, словно сбежал из пустыни, где три недели ел один песок, потребовал добавки. При этом сосед Мейза, скромно сидевший на кровати с какой-то книжкой, бросил в его сторону нехороший взгляд, закрыл томик и слинял из комнаты. Видимо, побоялся захлебнуться слюной или позеленеть от зависти.

За второй поход в столовую я резко поумнела и попросила налить целый термос бульона, мстительно записав еду на счет лучшего друга. Пусть сам расплачивается за капризы.

Я думала, что одноглазый рыжий монстр обопьется, но он заявил, что лучшее средство для восстановления зрения – черника, и потребовал крепкий черничный чай! Куда только лезло?

– Ты не забулькаешь, господин русалка? – возмутилась я, но сделала и третий круг. Самой захотелось выпить что-нибудь черничное и покрепче. Лучше вина. Остроте зрения, безусловно, не поможет, но нервишки подлечит превосходно.

К тому времени, как контуженное величество наелось, напилось и устало от неумной заботы, Элмвуд накрыла темнота. На территории зажгли фонари. Если днем казалось, будто лето не кончилось, то вечером остывший воздух остро и тоскливо пах осенью.

Я вернулась к себе, открыла дверь и удивленно замерла. Посреди комнатухи стоял открытый дорожный сундук. В нем были небрежно свалены вещи, все вперемешку: одежда, учебники, обувь. Сиротливо свисало длинное голенище кожаного сапога, а рядом выглядывал рукав плаща.

– Юна, ты переезжаешь в другую комнату? – прежде чем смертельно обидеться, спросила я у соседки, со скорбным видом собирающей с полки книги.

– В выходные я возвращаюсь в Шай-Эр, Адель. – Она выразительно шмыгнула носом. – Завтра с утра скажу куратору.

– Внезапно...

– Зато не будет никакой дуэли! – с надрывом в голосе воскликнула она и опустила голову, пытаясь скрыть слезы.

Глава 5

Возмутительное поправление дуэльного этикета

– Так... – глубокомысленно ответила я. – Что произошло, пока я возвращала Мейза к жизни?

Протиснувшись в узком проходе между раскрытым сундуком и кроватью, я забрала из рук соседки книги и пристроила обратно на полку. Романы, к слову, свежие, а не какая-то там пыльная классическая поэзия северного полуострова.

– Может, водички? – ласково предложила подружке, без сил плюхнувшейся на заваленную одеждой кровать, но обнаружила, что графин совершенно пуст.

Питьевой фонтанчик с горячей минеральной водой стоял в холле под большими часами. Я уже отбегала марафон, пытаясь угодить одноглазому лиху, и делать новый забег, пусть и на короткую дистанцию, но по лестницам, желания не возникало.

Однако Юна не страдала от жажды и проигнорировала предложение.

– Я говорила с Гарретом. – Опустив голову, она принялась теревить бахрому на цветастой шали. – Просила отменить дуэль ради нашей дружбы. Мы же так долго переписывались! Подарками обменивались. На Новый год я ему отправила брелок с символом «дружба» на первородном.

– Мило.

– С рубином.

– И щедро, – пробормотала я себе под нос и покосилась на розовый куст. Нареченный Эдвардом он нахально цвел всем врагам назло и издыхать в обозримом будущем не собирался, как будто оставался Гарретом. А ведь его сегодня даже не полили!

– Гаррет выслушал, а потом спросил: если он согласится на замену противника, готова ли я к компенсации?

Вспомнилось, как с ледяной интонацией и равнодушным взглядом, подавляя меня за счет роста, Ваэрд предлагал подхватить домашние туфли и отправиться на выход в сторону Шай-Эра. В тот момент в кольце, продетом в его брови, эмоций было побольше, чем в нем самом.

– Ты признала его победу и послушно пошла собирать вещички, – резюмировала я.

– Все началось с меня и этих глупых писем, – неожиданно серьезно проговорила Юна. – Ты попала в неприятности, Мейз пострадал.

– Справедливо говоря, я попала в неприятности без твоего участия – Ваэрд меня изрядно бесит. Мейз – случайная жертва. Он уже привык.

– Адель, вы мои единственные друзья в Норсенте. Да и в Шай-Эре, пожалуй, тоже. Никто и никогда безоговорочно не защищал меня. Я и переписку-то с северянином начала вовсе не из-за языка, хотелось дружеского общения.

В Но-Ирэ я никогда не страдала от одиночества. Ходила на свидания, гуляла с бывшими одноклассниками, ездила на блошинный рынок с подругами из академии. Да и с Мейзом мы надолго никогда не расставались, а в те дни, когда его семейство навещалось в гости, я вообще страдала от переизбытка внимания. Матушки обязательно начинали мериться нашими с приятелем успехами, и рыжий паршивец неизменно выигрывал негласное соревнование.

– В письмах Гаррет казался благородным и забавным, – продолжала жаловаться Юна. – Он говорил такие пронизательные вещи, вставлял остроумные замечания. Я страшно разочарована!

– Настолько, что готова бросить учебу и уехать домой? – уточнила я, заранее зная ответ.

– Нет. – Она виновато покачала головой, не поднимая взгляда от своих нервных рук на коленях. – Сначала я не попала в программу и заставила отца сделать пожертвования в студенческий фонд. Он никогда не занимался благотворительностью, и ему совершенно не понравилось. Папа меня убьет и выдаст замуж за первого встречного.

Так и представилось, как этот несчастный человек, подхватив полы длинного плаща, с воплями сбегает из семейного особняка Ризов, а за ним несутся уважаемые родители со штатом прислуги и кричат: «Первый встречный жених, немедленно вернитесь к брачному алтарю, пока невеста благоухает духами!»

– Тогда разбирай вещи, – кивнула я на сундук.

– А как же дуэль? – растерянно шмыгнула носом Юна.

– Если не случится конца света, то будет в пятницу, – усмехнулась я. – Дорожный сундук сама потащишь в замковое хранилище. У меня еще целый дуэльный кодекс нечитанный.

До середины ночи я разбирала со словарем не поддающийся переводу текст. Хотелось внимательно изучить заклятия, запрещенные во время дуэлей. В итоге поняла, что не знаю ни одного названия. Боевые заклятия нам не давали даже в углубленном курсе, за который – не хочу хвалиться, но, безусловно, похвалюсь – я получила «превосходно». К общей магии они не имели никакого отношения, и в применении запрещенных приемов меня никто обвинить не мог.

Еще хотелось выяснить о замене. Что говорили правила, если оба противника находили себе замену, и в турнирный круг вставляли двое совершенно незнакомых людей, не испытывающих друг к другу ровным счетом никакой неприязни. Кодекс на этот счет молчал. Видимо, никто и никогда в таком немыслимом масштабе не попирает дуэльный этикет.

На этом я успокоилась, потушила маленький светляк, тускло мерцающий над книжной страницей, и улеглась на жесткую подушку. Только поплыла на волнах блаженной дремы, как услышала шепот:

– Эдди, ты уже заснула?

Приоткрыла один глаз и сквозь плотную темноту посмотрела в сторону Юны. Ожившей тенью она приподнималась на локте и вытягивала шею, пытаясь проверить, как крепко я сплю.

– Я все придумала! – заговорщицки зашептала она, словно боялась, что нас будут подслушивать соседки по этажу. – В пятницу устроим конец света.

– Предлагаешь уничтожить спортивное крыло?

– Ты постоишь на стреме?

– Я поняла! Когда ты снимаешь на ночь нимб, сразу начинаешь ненавидеть людей, – фыркнула я и упала на подушку.

– Тогда давай выкрадем Гаррета и запрем в каком-нибудь чулане. Он не придет на поединок, а все решат, что сбежал, – предложила она.

Говорю же, что буйная фантазия до хорошего не доводит.

– Спокойной ночи, Юна! – отозвалась я.

Сна, как водится, ни в одном глазу не осталось. Хоть заново открывай кодекс и начинай разбирать со словарем. Такой незапланированный полуночный факультатив по углубленному изучению северного диалекта.

И только задремала, как из-под кровати понеслось истошное хрипловатое кукареканье, способное воскресить армию умертвий.

– Кто-нибудь сверните птице шею... – Не открывая глаза, я нащупала рядом с кроватью вопящий, как не в себе, шар, шарахнула по нему ладонью и пробормотала: – Вставай, Адель! Солнце уже высоко.

Справедливости ради, в Элмвуде только светало. В комнате тоскливо и пронзительно пахло розовым цветом. Я заставила себя подняться и выглянула в окно. В сером рассвете зда-

ние мужского общежития казалось необитаемым и мрачным. Красный кирпич потемнел от влажности, а под густым темно-изумрудным плюшем, упрямо заползающим на стену, разливались жидкие тени, словно бы через щели в рамах перетекающие внутрь спящих комнат.

– Доброе утро, – поприветствовала я Элмвуд и, прихватив корзинку с банными принадлежностями, на цыпочках вышла из комнаты.

Сюрприз ждал меня под дверью, когда я возвращалась из купальни. Он хотел постучаться и поднимал кулак с таким сосредоточенным видом, словно боялся промахнуться. Даже на секунду показалось, что сюрприз нетрезв, а потому заблудился в двух соснах, в смысле, зданиях общежитий. Иначе что ему делать у моей комнаты в тот час, когда даже суровые северяне предпочитали спать, а не топтать по коридорам женских пансионов?

– Андэш? – позвала я.

Он обернулся. Андэш был при полном утреннем параде. В смысле, не в халате и не с сеточкой на голове, а в спортивной форме, с волосами, аккуратно завязанными на макушке скромным шнурком, и в ботинках для тренировок.

– Здравствуй, Адель.

Я остановилась рядышком.

– Пытаюсь придумать какую-нибудь колкую фразу насчет гостей, но в такое время голова не соображает. Почему на рассвете ты не спишь?

– Я оказываю услугу твоему травмированному лучшему другу.

– Он попросил меня разбудить? – искренне удивилась я.

– Потренировать тебя в магических спаррингах.

Другими словами, Мейз догадывался, что даже пиратская повязка на глазу не спасет его от опасности получить очередную травму. С наступлением нового дня его разбудят, воскресят к жизни, притом вместе с соседом по комнате, и потащат заниматься физкультурой до завтрака, а потом после обеда.

– Что он тебе пообещал взамен? – улыбнулась я. – Свою душу? Или, может, мою?!

– Гарантировал пару часов в компании симпатичной девушки из Шай-Эра.

Похоже, совместное бритье в соседних раковинах превращало мужчин не просто в хороших знакомых, а позволяло вступить в закрытый клуб, где просьба погонять девицу по спортивному залу не была неуместной. В общем, удивительное место – эти раковины в мужских купальнях!

– А тебе не запрещено со мной тренироваться? – спросила я.

– Запрещено? – переспросил Андэш, словно не мог вспомнить перевод слова на северный диалект.

– Я думала, вы дружите с Гарретом Ваэрдом, – намекнула на принцип мужской солидарности.

– Не настолько близко, чтобы отказаться от удовольствия заняться с тобой разными забавными вещами...

Андэш примолк, видимо, не осознавая, как двусмысленно прозвучало заявление. На пару долгих секунд между нами воцарилось странное молчание.

– Заняться турнирной магией! – наконец поправился он и неожиданно начал краснеть. – Конечно, я имел в виду магию. Шай-эрский все-таки очень сложный язык... Так ты готова позаниматься?

– Более чем! Только нужно собраться, – указав пальцем в сторону двери, согласилась я.

– Буду ждать на малой арене, в это время она обычно свободна.

Я юркнула в комнату, но немедленно высунулась в коридор и шепотом позвала удаляющегося парня:

– Андэш!

Он обернулся и с приветливой улыбкой кивнул, дескать, что-то случилось?

– Спасибо тебе.

Бродить по пустому замку жутковато. Коридоры с высокими потолками заливал седой свет, в углах и в нишах лежали глубокие тени. В гулкой тишине разносились эхом шаги, и их подхватывали хозяйственные духи, верховодившие до того момента, пока Элмвуд не стряхивал сонную дрему. Подгоняемая inferнальным, неконтролируемым страхом я не дошла, а буквально доскакала до спортивного крыла и даже без лишних блужданий отыскала малую арену.

Андэш встретил меня с тренировочным шестом в руке. Разминаясь, северянин крутил им с такой завидной легкостью, что по незнанию можно решить, будто шест не тяжелее самописного пера.

– Разомнешься? – предложил северянин.

– Я уже с таким воодушевлением пробежалась по замку, что успела разогреться, – уверила я, стараясь не показывать, что с трудом перевожу дыхание от поспешной ходьбы, больше напоминавшей бег трусцой.

И все равно он заставил меня приседать, бежать на месте и размахивать руками, как крыльями мельницы. К концу разминки каждым мускулом я ощущала, как замечательно позанималась физкультурой и с трудом убеждала саму себя, что тренировка только началась – завтракать рано.

– Держи. – Андэш вручил мне шест, за ночь не изменивший вес на «полегче». – Как давно ты занимаешься турнирной магией?

– Второй день, – бодренько отрапортовала я.

– В Элмвуде? – уточнил он, видимо, не до конца осознавая размер неприятностей, в которые себя втянул.

– Вообще.

Энтузиазм в лице северянина не то чтобы совсем исчез, но заметно поблек.

– Ты хочешь до завтра научиться турнирной магии? – Он перешел на диалект. Не иначе как от изумления, что по земле ходят настолько самоуверенные люди. Или глупые.

– А такое возможно?! – обрадовалась я.

– Вряд ли.

– Вот и я так думаю, – вздохнула в фальшивой печали.

– Ладно... – ошарашенный происходящей нелепицей Андэш кашлянул. – Начнем с азов. Давай научимся правильно держать шест, чтобы не травмировать запястья...

Полчаса активного топтания на месте доказали, что без разницы, насколько у меня канонична боевая стойка, правильно ли лежат руки на оплетке, стоят ли ноги на ширине плеч или в балетной позиции. Выбить шест из моих рук проще, чем отнять конфету у ребенка. Что Андэш и проделывал много раз.

Замучившись туда-сюда наклоняться и выпрямляться наперевес с тяжелой палкой, я прилепила древко к пальцам с помощью простейшего заклятья. И чуть не воткнулась носом в каменный пол, когда противник ударил.

– Адель, все в порядке? – охнул северянин, моментально помогая мне выпрямиться.

– Прекрасно! – излишне жизнерадостно согласилась я, стряхивая с ладоней о штаны остатки магии. – Просто надо запомнить, что заклятие клейкости использовать нельзя.

– Ты пробудила стихию? – удивился он и недоуменно покосился на кованые плашки с первородными символами, висящие вдоль периметра. – Почему не развернулись щиты?

Неожиданно воздух на арене дрогнул, а вокруг шеста, зажато в руках нахмуренного Андэша, закрутился заметный даже невооруженным глазом поток. Мгновением позже над нами полупрозрачной волной с мерцающим краем натянулся купол.

– Пробуждаются... – пробормотал Андэш, потушив магию.

Полог мгновенно растаял, первородные символы на стенах вновь заснули.

– Это заклęcia общей магии. Если что, дуэльным кодексом использовать общую магию не запрещено.

Видимо, защитный полог не принимал всерьез колдовство, неспособное причинить человеку реальный вред.

– Дуэли проходят по кодексу?! – удивился северянин.

– Не знал? Очень захватывающее чтиво! Я вчера три часа со словарем на коленках просидела, оторваться не могла...

Вскоре Элмвуд проснулся. В спортивном крыле начал шмыгать народ: то и дело на малую арену кто-нибудь заглядывал. Нам пришлось закончить тренировку. Привалившись спиной к стене, я сидела на полу, хотя очень хотела полежать. Едва прошел азарт, навалилась усталость. Руки от напряжения мелко дрожали, а ноги казались свинцовыми.

Андэш вытащил из сумки пару узких термосов и протянул один мне:

– Держи. Эликсир, чтобы не ломало после нагрузки. Иначе завтра не сможешь выйти на арену.

– Спасибо, – без лишних кривляний с благодарностью приняла термос и, пока северянин устраивался рядом, отвинтила крышку. Снадобье пахло травами и магией, а на вкус оказалось горьковатым, совершенно непохожим на сок аскарома.

Колючие кусты аскарома росли в горных лощинах. Из мясистых черных ягод варили отличный природный энергетик, помогающий быстро восстанавливаться после сложных заклятий. Некоторые пили сок в чистом виде, но мне нравилось разбавлять концентрат травяными настоями, хотя бы рот не вязало.

– Не хочешь всерьез заняться турнирной магией? – спросил Андэш. – У тебя получится.

– Совершенно точно – нет! – отказываясь допустить хотя бы мысль, что каждый божий день придется прыгать с проклятым шестом по залу, категорично заявила я. – Тыходишь в команду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.